

Санкт-Петербургский государственный университет

САБЕЛКИС Мария Денисовна

Выпускная квалификационная работа

Эволюция китайской интеллигенции в 1978 – 2012 гг.

Уровень образования: бакалавриат

Направление 58.03.01 «Востоковедение и африканистика»

Основная образовательная программа СВ.5035.2016

«Востоковедение и африканистика»

Профиль «История Китая»

Научный руководитель: старший преподаватель, кафедра истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ, кандидат исторических наук
Донская Александра Евгеньевна

Рецензент: доцент, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ, кандидат социологических наук
Рысакова Полина Игоревна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. 1978 – 1989	11
1.1. Интеллигенция в первые годы реформ	11
1.2. Первые сомнения в правильности политического курса	14
1.3. Рост числа и развитие интеллектуальных объединений и обществ.....	18
1.4. «Культурная горячка», «-измы» и влияние Запада.....	23
1.5. Дискуссии интеллигенции о пути развития страны	27
Глава 2. 1989 – 2002	32
2.1. Интеллигенция и Тяньаньмэнь	32
2.2. Изменения в общественном сознании.....	36
2.3. Неоконсерватизм и национализм	39
2.4. Улучшение материального положения.....	42
Глава 3. 2002 – 2012	46
3.1. Прогнозы западной интеллигенции о Китае в XXI веке	46
3.2. Концепция «Гармоничного общества»	49
3.3. Интеллигенция и Интернет	53
3.4. Интеллигенция и «утечка мозгов»	57
Заключение	63
Приложение	71
Список источников и литературы	73

Введение

Китайская интеллектуальная элита на протяжении всей истории Китая играла важную роль в жизни страны. С течением времени менялось ее мышление, проблемы, идеология, но неизменным оставалось одно – ее позиция главного интеллектуального двигателя преобразований и общественных перемен, которые происходили в Китае. Именно от ее деятельности во многом зависит прогресс в политическом, социально-экономическом и духовном развитии общества, содержание, характер и темпы социальных изменений.

Китайская интеллигенция – *чжишии фэньцзы* – довольно неоднородна. Для простоты понимания можно условно разделить ее представителей на пять групп в зависимости от уровня их взаимодействия с государством. Первые – это те, кто является «глашатаем» партии; «те, кто пишут пером» (笔杆子 *биганьцзы* – человек, умеющий сочинять и писать статьи и т. д.) и своих идей при этом не излагают. Следующая группа – это экспертные круги¹ (芝兰团 – *чжиланьтуань*), которые занимаются индивидуальными и независимыми исследованиями. Темы изучения выбираются партией; например, они пишут о новых реформах и продвигают идеи государства. Установленная тема, однако, ограничивает их полностью; это значит, что они развивают не свои идеи, а те, которые были определены как важные другими людьми. Еще дальше от государства отстоит третья группа – ученые-теоретики и исследователи (纯学者 – *чунь сюэчжэ*), которые обычно вовлечены в чисто научные исследования, далекие от политики. Еще одна группа – «публичные интеллектуалы» (公共知识分子 – *гунгун чжишии фэньцзы*), представители которой обсуждают темы, вызывающие общественный интерес и резонанс, например, идеи либерализма и консерватизма. Они – часть академической структуры и часто работают на различные университеты или Академию общественных наук Китая. Несмотря на то, что диссидентами они не

¹ То, что на английском называют «think tanks».

являются, все же представители этой группы стараются держаться от государства на некотором расстоянии. И последняя группа – «диссиденты» (异议分子 – *ши фэньцзы*), которые вовлечены в общественные дискуссии и на чьи идеи партия прямого влияния не оказывает. Часто они живут за пределами Китая².

Большинство представителей интеллигенции предпочитает быть частью этой системы, потому что доступ к необходимым для исследований ресурсам почти полностью сосредоточен в руках партии. Даже политологи, социологи и экономисты, которые по статистике присоединяются к диссидентским группам чаще остальных, часто надеются стать советниками или консультантами в правительственных органах³. Это – своеобразная традиция китайской интеллектуальной элиты, которая с самых ранних времен в истории Китая отличалась прагматизмом и стремилась к участию в делах правления. Так, одной из главных задач исследователей в сфере гуманитарных наук, социологов и культурологов является помощь чиновникам в ходе их подъема по карьерной лестнице в партийном руководстве, распространении и пропаганде их идей среди народа⁴. Представители интеллигенции часто избегают выходить за пределы идеологических границ, установленных КПК. В противном случае они рискуют потерять государственную поддержку своей деятельности, гранты, финансируемые публикации, доступ на всевозможные конференции и, возможно, даже свою работу⁵.

После смерти Мао Цзэдуна положение интеллигенции в обществе начало стремительно меняться. Начавшиеся реформы под руководством Дэн Сяопина способствовали смене вектора развития страны, а вместе со страной изменялась и интеллигенция. Скептицизм по отношению к политике государства, ярко

² Ogden, S. From patronage to profits: the changing relationship of Chinese intellectuals with the party-state // Chinese Intellectuals between State and Market. – London: Routledge, 2005. – P. 113.

³ Xin, G. Plural institutionalism and the emergence of intellectual public spaces in contemporary China: Four relational patterns and four organizational forms // Journal of Contemporary China. – 1998. – Vol. 7., № 18. – P. 299.

⁴ Gu, E. Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979–1989): A case study of three intellectual groups // The Journal of Asian Studies. – 1999. – Vol. 58., № 2. – P. 392.

⁵ Ogden, S. From patronage to profits: the changing relationship of Chinese intellectuals with the party-state // Chinese Intellectuals between State and Market. – London: Routledge, 2005. – P. 114.

проявившийся в 1980-е годы, вкупе с активным проникновением западных идей и ослаблением контроля государства за деятельностью интеллигенции, способствовал развертыванию дебатов о необходимости демократизации общества и поискам новых путей развития страны. Критические настроения среди интеллигенции распространялись вплоть до лета 1989 года, после чего отношения между ней и государством претерпели резкие изменения. Успешное течение реформ в 1990-х годах и проводимые КПК социальные реформы и пропагандистские кампании способствовали росту патриотических настроений. Политика Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, направленная на привлечение представителей интеллигенции к совместной работе на благо Китая, тоже приносила свои плоды. С начала осуществления политики реформ и открытости в 1978 году до прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 был временем становления современной китайской интеллектуальной элиты, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Китайская интеллигенция сыграла важнейшую роль в социально-политической и культурной жизни страны в последние десятилетия XX века и в начале XXI века. Кроме того, в 1978 – 2012 годах формировалось мировоззрение многих из тех, кто сейчас находится у власти в КНР или оказывает серьезное влияние на настроения в обществе. В то же время в отечественном китаеведении исследований, посвященных особенностям трансформации взглядов и деятельности представителей китайской интеллектуальной элиты в этот период, явно недостаточно, что определяет **новизну** данной работы.

Цель данной работы – изучить деятельность и взгляды представителей китайской интеллигенции в 1978 – 2012 годах и проследить трансформацию ее взглядов, позиций и методов взаимодействия с государством.

Указанная цель определила постановку следующих **задач**:

- проследить развитие отношений между представителями интеллигенции и государством в последней четверти XX века и начале XXI века;
- выявить причины формирования и распространения в кругах интеллигенции критических и диссидентских идей;

- изучить влияние западных концепций на изменение основного вектора мысли представителей интеллектуальной элиты в годы начала политики реформ и открытости;
- проанализировать особенности развития культуры в данный период;
- разобраться в причинах обращения интеллигенции к идеям демократизации страны;
- выявить основные вехи эволюции политики государства в отношении интеллигенции после событий 1989 г.;
- проанализировать рост патриотических и националистических тенденций среди представителей интеллигенции;
- рассмотреть западную аналитику и прогнозы о будущем Китая в XXI веке;
- оценить влияние распространения Интернета на интеллектуальное сообщество;
- выявить причины и последствия «утечки мозгов» за рубеж.

В XX веке написано огромное количество работ, посвященных китайской интеллигенции. Так, вопросы, связанные с проблемами китайской интеллигенции, ее местом в обществе и взаимоотношениях с государством, а также ролью в революционных процессах, раскрыты в исследовании Ю. М. Галеновича⁶. Бенджамин Шварц⁷, председатель Ассоциации Азиатских исследований в Гарвардском университете, в своей работе исследует взаимодействие китайской интеллигенции с западными идеями, приходя к выводу, что Китаю стоит оставить прошлое позади и стремиться к модернизации. Он рассматривает факт недоверия интеллигенции к Мао Цзэдуноу как важный фактор формирования нового ее поколения. Статья Эдварда Гу «Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China

⁶ Галенович, Ю. М. Противостояние в партии и обществе // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: энциклопедия в 10 т. Т. 9. Реформы и Модернизация (1976 – 2009) / под ред. С. Л. Тихвинского. – М.: Наука, 2016. – С. 442-447.

⁷ Schwarcz, B. Behind a partially-open door: Chinese intellectuals and the post-Mao reform process // Pacific Affairs. – 1986. – Vol. 59., № 4. – P. 577-604.

(1979 – 1989): A case study of three intellectual groups»⁸ содержит информацию о том, какое влияние оказала на студентов и интеллигенцию 1980-х годов политика и реформы Дэн Сяопина, и рассматривает основные направления мысли среди представителей интеллигенции. В книге «The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement»⁹, написанной Чжао Динсином, раскрывается взаимосвязь отношений между обществом и государством, а также описываются процессы постепенной радикализации мышления среди интеллектуальной элиты в 1980-е годы. Себастьян Вег¹⁰, профессор Высшей школы социальных наук во Франции, посвятил свою монографию отношениям взаимозависимости между представителями интеллигенции и КПК, влиянию, которое их взаимодействие оказывает на политику страны, анализу роли в жизни общества создаваемых интеллигенцией ассоциаций и институтов. Профессор истории в Бостонском университете Мэрл Голдмэн в своей работе «The paradox of China's post-Mao reforms»¹¹ рассматривает все аспекты начавшихся в 1978 году реформ, которые, по ее мнению, с одной стороны, сделали возможным повышение уровня жизни большинства населения Китая, но, с другой стороны, привели к ослаблению центрального правительства, усилению неравенства и расколу общества. В статье «China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state»¹² она, совместно с Перри Линком, рассматривает развитие отношений между государством и интеллигенцией в 1980-х и начале 1990-х годов. Мэрл Голдмэн также выступила редактором сборника статей «Chinese Intellectuals between State and Market», авторы которых исследовали разные аспекты процессов, происходящих с китайской интеллигенцией с начала политики реформ и открытости. Так, статья Сюзанны Огден «From patronage to profits: the changing

⁸ Gu, E. Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979–1989): A case study of three intellectual groups // The Journal of Asian Studies. – 1999. – Vol. 58., № 2. – P. 389-431.

⁹ Zhao, D. The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 468 p.

¹⁰ Veg, Sebastian. Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals. Columbia University Press, 2019.

¹¹ Goldman, M. The paradox of China's post-Mao reforms. – Cambridge: Harvard University Press, 1999. – 470 p.

¹² Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 125-153.

relationship of Chinese intellectuals with the party-state»¹³ посвящена роли китайской интеллигенции в укреплении гражданского общества Китая. Особое внимание автор уделяет деятельности растущего класса предпринимателей и ее влиянию на процессы формирования культуры и системы ценностей страны. В статье Сю Цзилия «The fate of an enlightenment: Twenty years in the Chinese intellectual sphere (1978–98)»¹⁴ исследуются изменения, произошедшие в китайских интеллектуальных кругах за двадцать лет, раскрываются основные идейные течения, возникшие в среде представителей интеллигенции, выявляется ряд процессов, способствовавших быстрой смене идей о пути развития страны в ее кругах. В работе «State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development»¹⁵ Го Сяоцин исследует возможные пути демократизации Китая, предполагая возможные пути развития, начало которых кроется в событиях последней четверти XX века, делая упор на роли разных слоев общества в этих процессах. Исследование особенностей, которые были присущи разным поколениям китайской интеллигенции, представлено в работе Чжана Юнцзе и Чэна Юаньцзе¹⁶. Авторы изучают представителей интеллектуальной элиты, чья деятельность началась после окончания «культурной революции», и чьи идеи и взгляд на мир формировались под влиянием реформ 1980-х годов. Распространение западных идей среди интеллигенции и студентов рассмотрено в работе Чжу Пэйляня¹⁷; автор изучает причины привлекательности зарубежных идей, а также факторы, способствовавшие их быстрому распространению в кампусах университетов. В работе журналиста The New Yorker Эвана Озноса «Age of Ambition: Chasing

¹³ Ogden, S. From patronage to profits: the changing relationship of Chinese intellectuals with the party-state // Chinese Intellectuals between State and Market. – London: Routledge, 2005. – P. 111-137.

¹⁴ Jilin, X. The fate of an enlightenment: Twenty years in the Chinese intellectual sphere (1978 – 98) // Chinese intellectuals between state and market. – London: Routledge, 2005. – P. 183-203.

¹⁵ Guo, X. State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development. – London: Routledge, 2003. – P. 284.

¹⁶ Чжан Юнцзе, Чэн Юаньцзе. Ди Сы Дай жэнь (张永杰, 程远杰. 第四代人. Четвертое поколение) // Бэйцзин дунфан чубаньшэ, 1988. – 206 с.

¹⁷ Чжу Пэйлянь. Дасюэшэн дэ «ницайжэ» (朱培莲. 大学生的«尼采热». «Горячка Ницше» среди студентов) // Циннянь яньцзю чубаньшэ, 1988. – 76 с.

Fortune, Truth, and Faith in the New China»¹⁸ приведены основанные на опыте его продолжительного нахождения в Китае заметки о трансформации китайского общества в начале нового века, расцвете индивидуализма и прочих социальных переменмах.

Данное исследование опирается в основном на англоязычную литературу. Присутствуют также отечественные работы общего характера и ряд статей на китайском языке. Стоит упоминания, что по причине «чувствительности» темы в китайских источниках она раскрывается в основном с одной стороны.

Структура работы представлена введением, тремя главами, заключением, списком использованной литературы, приложением. Во введении автор формулирует актуальность темы, ставит цель и задачи исследования. Хронологические рамки работы – 1978–2012 годы, однако автор по необходимости делает экскурсы в более ранний период. В данной работе не рассматриваются подробности событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, однако проанализировано влияние, оказанное ими на интеллигенцию и ее последующие отношения с государством и партией.

Первая глава посвящена периоду с 1978 по 1989 годы, в ней раскрыт облик интеллигенции на момент начала политики реформ и открытости, а также рассмотрены настроения, превалирующие в среде интеллигенции в то время. Проанализирован феномен быстрого роста числа интеллектуальных объединений и обществ. Обсуждается влияние западных идей на формирование системы ценностей в кругах интеллигенции, рассмотрены процессы поиска интеллигенцией альтернативных путей развития страны.

Вторая глава посвящена изменению курса властей после событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь, а также тому, как новая политика повлияла на интеллигенцию, на ее финансовое состояние и на характер восприятия ею ситуации в стране и политического курса. Рассмотрены перемены в общественном сознании под влиянием успехов экономических реформ.

¹⁸ Osnos, E. Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China. – Macmillan, 2014. – 350 p.

Выявлено влияние пропагандистской деятельности правительства и распространения идей патриотизма и национализма на отношение интеллигенции к политике властей.

Третья глава посвящена вступлению Китая в новый XXI век, с момента вступления Ху Цзиньтао в должность Генерального секретаря ЦК КПК. Освещены прогнозы западной интеллигенции по поводу будущего страны. Рассмотрена политика Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, направленная на стимулирование развития научного прогресса. Проанализировано влияние распространения Интернета на дифференциацию интеллигенции, на доступные каналы распространения своих идей, а также позиция государства по этому поводу. Выявлены причины эмиграции представителей интеллигенции за рубеж, а также действия, предпринимаемые правительством с целью остановить эту тенденцию.

В заключении исследования данные обобщаются, делаются выводы.

Глава 1. 1978 – 1989

1.1. Интеллигенция в первые годы реформ

Традиционное китайское мировоззрение было основано на том, что личные интересы неотделимы от интересов общественных, а общество неотделимо от государства – по крайней мере, теоретически¹⁹. В императорском Китае, когда подданные возражали против каких-либо действий правителя, существовала возможность сообщить свое мнение о том, как ситуацию можно улучшить, чтобы правление стало более эффективным, подать на его имя доклад. Подобные замечания правителю считались проявлением верности, так как критика способствовала более глубокому пониманию позиции народа и исправлению вектора государственной политики в лучшую сторону.

Интеллигенция полагала, что нравственность и мораль – неперенные атрибуты политической власти. Так, даже в начале 1950-х годов, во время развертывания кампаний против интеллигенции, часть ее верила, что гонения происходят по справедливости; что те, против кого была направлена кампания, своими идеями разобщали общество в период, когда всем надо было объединиться для достижения высшей цели и построения нового общества, и показывали недостаток патриотизма – поэтому, наказание неизбежно должно было последовать. Однако по мере развертывания таких кампаний, а также с началом «большого скачка» с 30 миллионами смертей и «культурной революции» с более 100 миллионов преследуемых²⁰, связь между интеллигенцией и государством начала постепенно рваться²¹. Во время «культурной революции» для интеллигенции оказалось почти невозможным ощущать свою принадлежность и вовлеченность в жизнь партии и государства. Для них наступил «кризис идентичности», который в конце «культурной

¹⁹ Schwartz, B. China's Cultural Values // Arizona State University Occasional Paper. – 1985. – Vol. 42., № 18. – P. 563.

²⁰ Приведены значения из исследования Мэрл Голдмэн. Показатели жертв «большого скачка» и «культурной революции» сильно отличаются в различных исследованиях.

²¹ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 127.

революции» формулировался как «кризис трех вер» – *саньсинь вэйцзи*²² – в марксизм, социализм и Коммунистическую партию Китая²³.

Интеллигенция поддержала приход к власти Дэн Сяопина ровно так же, как она в свое время поддержала и приход к власти Мао Цзэдуна²⁴. Она верила, что скоро настанет пора общественных реформ. Она хотела, чтобы Китай после хаоса времен «банды четырех» вернулся на революционный путь, путь «правильного» социализма²⁵ – и, тем самым, восстановил бы те самые «три веры». Интеллигенция полагала, что стоит оглянуться назад, на 50-е годы, и взять их за основу; полагала, что именно ей предназначено сыграть ключевую роль в этой реставрации²⁶.

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году правительство под руководством Хуа Гофэна разработало новый план с целью осуществить «4 модернизации»²⁷ к концу столетия. Эта стратегия требовала огромных вложений в науку и развитие новых технологий. Государство нуждалось в образованных людях²⁸. Так в конце 70-х – начале 80-х годов интеллигенция оказалась в привилегированном положении, который отличался от ее положения во времена «культурной революции»²⁹. Были расширены академические свободы, открыты университеты. Временной отрезок от смерти Мао Цзэдуна³⁰ до середины 80-х стал своеобразной «весной для науки»³¹.

²² 三信危机

²³ Schwartz, B. Behind a partially-open door: Chinese intellectuals and the post-Mao reform process // Pacific Affairs. – 1986. – Vol. 59., № 4. – P. 591.

²⁴ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 127.

²⁵ 拨乱反正 — *болуань фаньчжэн*.

²⁶ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 129.

²⁷ Во время правления Дэн Сяопина социальная, политическая и экономическая системы внутри страны подверглись серьёзным изменениям. Он объявил принцип «четырёх модернизаций» основой всех реформ. По этому принципу экономика была поделена на 4 сектора – оборонную промышленность, сельское хозяйство, науку и промышленное производство.

²⁸ Чжан Юнцзе, Чэн Юаньцзе. Ди Сы Дай жэнь (张永杰, 程远杰. 第四代人. Четвертое поколение) // Бэйцзин дунфан чубаньшэ, 1988. – С. 63.

²⁹ Korzec, M. Reading notes: The Chinese wage system // The China Quarterly. – 1981. – № 86. – P. 267.

³⁰ 9 сентября 1976 года.

³¹ Deng, Xiaoping. Speech at opening ceremony of National Science Conference // Beijing Review. – 1978. – Vol. 12. – P. 11.

После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва Дэн Сяопин сумел расширить круг своих сторонников и укрепить личный авторитет, заметно потеснив Хуа Гофэна³². На первый план были выдвинуты патриотические идеи строительства богатого и могущественного Китая, которые должны были сопутствовать проведению новой экономической политики³³. Помимо этого, «движение за идеологическое раскрепощение» являлось общественным и внутривластным процессом, направленным на «освобождение» мышления людей от догматов Мао Цзэдуна и Сталина³⁴. Интеллигенция, тяжело перенесшая «культурную революцию», тепло приветствовала новый курс³⁵. Многие ученые, вовлеченные в структуру недавно созданной Академии общественных наук Китая – заведения, полностью поддерживаемого правительством – тоже активно участвовали в обсуждении будущего страны³⁶. Также после начала экономических реформ в 1978 году партийное руководство определило интеллигенцию как «внутреннюю часть рабочего класса»³⁷, и многие ее представители были приняты в ряды партии.

Набирала силу литература постмаоистского периода – литература «шрамов»³⁸ и литература «дум о прошедшем»³⁹. В кругах интеллигенции «движение за идеологическое раскрепощение» разворачивалось в форме дискуссий по вопросам литературы и политики, гуманизма и теории человеческой сущности⁴⁰. Углубление этих обсуждений неотвратимо вело к поиску новых идей. Многие авторы пытались переосмыслить ужасы «культурной революции» и идеализировать «золотой век» 1950-х годов. Время

³² Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: ИДВ РАН, 2009. – С. 85.

³³ Непомнин, О. Е. История Китая, XX век. – М.: ИВ РАН, 2011. – С. 602.

³⁴ Jilin, X. The fate of an enlightenment: Twenty years in the Chinese intellectual sphere (1978–98) // Chinese intellectuals between state and market. – London: Routledge, 2005. – P. 185.

³⁵ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 130.

³⁶ Gu, E. Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979–1989): A case study of three intellectual groups // The Journal of Asian Studies. – 1999. – Vol. 58., № 2. – P. 392.

³⁷ Saich, D. Reform of China's Science and Technology Organizational System // Science and Technology in Post-Mao China. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – P. 85.

³⁸ 伤痕文学 – шанхэнь вэньсюэ.

³⁹ 反思文学 – фаньсы вэньсюэ.

⁴⁰ Чэнь, Сяомин. Тенденции новейшей китайской литературы. – М.: Шанс, 2019. – С. 329.

шло очень быстро, и общество менялось вместе с ним. Мысли интеллигенции того времени по поводу государства и партии могут быть выражены в часто повторяющейся формулировке, что «отношения между государством и обществом подобны отношениям между ребенком и матерью – мать может наказывать ребенка, иногда даже чрезмерно, но это не может заставить ребенка отказаться от матери, и мать все еще любит ребенка»⁴¹.

Интеллигенция верила, что с началом реформ страна встанет на новый путь, и для достижения этого светлого, как им казалось, будущего, они поддерживали новую политику государства и реформаторов. С опорой на прошлое и надеждой на то, что руководство партии осознало ошибки предыдущих лет, они старались внести свой вклад в развитие страны.

1.2. Первые сомнения в правильности политического курса

Вскоре, в 1981 году, распространение литературы оттепели подошло к концу с началом критики сценария фильма Бай Хуа «Безответная любовь»⁴². Бай Хуа был писателем, присоединившимся к НОАК в 1947 году⁴³, чтобы дать отпор Гоминьдану и помочь коммунистам прийти к власти. Первый его протест пришелся на время «движения ста цветов»⁴⁴, в ходе которого он призывал официальных лиц меньше вмешиваться в работы молодых писателей, за что был провозглашен «правым элементом».

Одной из основных претензий, опубликованных в газете «Цзефанцзюньбао»⁴⁵ был недостаток патриотизма в «Безответной любви». Это была история представителя интеллигенции, который посвятил себя служению стране из-за

⁴¹ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.133.

⁴² «Безответная Любовь»/«Кулянь» — 苦恋 — сценарий, опубликованный в третьем номере журнала «Октябрь»/«Шиюэ» в сентябре 1979 года.

⁴³ На тот момент ему было 17 лет.

⁴⁴ *Байхуа юньдун* — движение, начатое Мао Цзэдуном в 1957 году с лозунга «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», предлагавшем выразить свои мнения и предложения касательно курса страны, однако это вызвало немедленную острую критику партии, идей коммунизма и лично Мао Цзэдуна. Кампания была резко свернута.

⁴⁵ Газета «НОАК (Народно-Освободительная Армия Китая)» / «Цзефанцзюньбао» — 解放军报 — газета, издаваемая Центральным военным советом КПК с 1 января 1956 года.

огромного чувства патриотизма, однако «вознагражден» был только репрессиями и жестокостью. Протагонист – художник, которому пришлось покинуть Китай из-за японской оккупации и бежать на Запад, где он впоследствии становится знаменитым и состоятельным человеком. Тем не менее, в 1949 году его любовь к родине вынуждает его вернуться в Китай, чтобы помочь стране в модернизации. Но вскоре он замечает, что патриотизм людей стал постепенно превращаться в поклонение ряду личностей. Несмотря на преследования, художник продолжает любить страну даже во времена «культурной революции», когда его атакуют хунвэйбины. Когда его дочь делится планами выйти замуж за китайца, который живет за рубежом, он возражает. На что дочь отвечает: «Ты любишь нашу Родину... но любит ли она тебя?» Вскоре после разговора художника начинают преследовать хунвэйбины, и во время погони он умирает. Фильм заканчивается на том, что его тело лежит в форме знака вопроса, как бы спрашивая, стоила ли его «безответная любовь» того.

Дэн Сяопин назвал деятельность Бай Хуа «буржуазной либерализацией» и «оппозицией лидерству партии». В газетах появились статьи с критикой, делающие акцент на том, что «патриотизм неотделим от любви к государству». Однако от интеллигенции Бай Хуа получил поддержку. Были посланы тысячи писем с признательностью, на стенах Пекинского и Фуданьского университетов были вывешены плакаты в его защиту. Несмотря на поддержку, кампания против него закончилась лишь в ноябре 1981 года с публикацией его самокритики в «Цзефанцзюнь бао» и «Вэньи бао»⁴⁶.

Помимо этого, в конце 70-х – начале 80-х годов в города возвращается образованная молодежь, сосланная в деревни во времена «культурной революции». Имея за спиной свидетельства и личную убежденность в неэффективности политики Мао Цзэдуна, вкупе с опытом жизни в беднейшей

⁴⁶ «Литература и Искусство»/«Вэньи бао» — 文艺报 — журнал, основанный 25 сентября 1949 года накануне основания Китайской Народной Республики. Мао Цзэдун, как и Дэн Сяопин, напрямую влияли на деятельность издания.

сельской местности, они становились все более недовольны положением дел в стране, желая реформировать текущую социальную, экономическую и политическую системы⁴⁷.

В конце 70-х годов появляется огромное количество подпольных изданий (аналог советского самиздата), в которых обсуждалась обстановка в стране⁴⁸. По мере того, как Дэн Сяопин со сторонниками набирали силу, движение «стена демократии»⁴⁹ было подавлено⁵⁰, что было важным событием, так как Дэн Сяопин лично поддерживал появление движения и даже в определенной мере воздействовал на содержание изготавливаемых его членами плакатов для достижения собственных политических целей⁵¹.

Кроме того, университетские знания, востребованные после завершения Культурной революции, становились все менее значимыми. В отраслях, которые благодаря новой политике стремительно развивались, не было нужды в талантливых выпускниках университетов: в областях общественного производства⁵² применяли лишь несложные технологии, овладение которыми не требовало особых навыков; частный бизнес же был в основном на плечах людей с образованием неоконченным или вообще без него⁵³. Филиалы иностранных фирм также не испытывали потребности в квалифицированных китайских работниках, отдавая предпочтение своим технологиям и кадрам.

Прием студентов в университеты значительно расширился, увеличившись в 3,3 раза с 1977 по 1988, однако субсидий, выделяемых государством на

⁴⁷ Gu, E. Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979–1989): A case study of three intellectual groups // *The Journal of Asian Studies*. – 1999. – Vol. 58., № 2. – P. 394.

⁴⁸ Nathan, A. *Chinese Democracy*. – California: University of California Press, 1990. – P. 23.

⁴⁹ «Стена демократии» — движение, начавшееся в ноябре 1978 года с создания группой художников плакатов, критикующих положение дел в Китае, которые затем были размещены на длинной кирпичной стене улицы Сидань в Пекине в знак недовольства политическими и социальными проблемами Китая. Состоялись и другие акции протеста (издавались неофициальные журналы, проводились петиции и демонстрации). Вскоре после этих событий прошли акции и в других крупных городах Китая. Движение вошло в историю страны как короткий период политического освобождения.

⁵⁰ Gu, E. Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979–1989): A case study of three intellectual groups // *The Journal of Asian Studies*. – 1999. – Vol. 58., № 2. – P. 395.

⁵¹ Goldman, M., Link, P. *China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state* // *China's quest for national identity*. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 132.

⁵² Различные отрасли строительства, промышленности, сельского хозяйства, в основе которых лежит создание материальных благ из природных ресурсов.

⁵³ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 85.

образование, оказалось недостаточно⁵⁴. В образовании не было большой потребности, экономическое благосостояние интеллигенции падало. Со второй половины 1984 года в КНР начали возникать явления «перегрева» экономики, чрезмерного увеличения денежной эмиссии, сверхлимитного распределения национального дохода, что вызывало стремительный рост цен⁵⁵. Помимо этого, у выпускников не было стимула оставаться преподавать в университетах. Так, с 1981 по 1989 год Пекинский университет, Фуданьский университет, Университет Цинхуа и два других ключевых китайских университета, ранее нанявшие 6104 выпускника для работы преподавателями, смогли удержать лишь 68% из них; остальные уехали за рубеж⁵⁶. Большинство китайцев осознавали, что частные предприниматели и люди, работающие в индустрии развлечений, которые часто не имели образования, получают куда больше, чем люди с ученой степенью⁵⁷. Общественный статус и финансовое состояние интеллигенции ухудшалось.

Таким образом, в рядах интеллигенции появились сомнения относительно правильности вектора государственной политики. С закрытием «стены демократии», завершением периода литературы оттепели и кампании против Бай Хуа сомнения интеллигенции по поводу «возвращения партии на истинный путь» все увеличивались. Начинаются дискуссии о том, является ли партия неразрывно связанной с государством, о том, является ли любовь к Родине априори любовью к правительству. Убеждение интеллигенции в своей причастности к «восстановлению» страны тоже пошатнулось. Падение благосостояния, проблемы в сфере образования заставляли задуматься о рациональности выбранного пути также и представителей молодой ее части. Постепенно интеллигенция все более отдалялась от роли двигателей прогресса.

⁵⁴ Min, W. Higher education finance in China: Current constraints and strategies for the 1990s // Higher Education. – 1991. – Vol. 21., № 2. – P. 151.

⁵⁵ Усов, В. Н. История КНР. В 2т. (Т. 2. 1966–2004 гг.). – М.: АСТ. Восток-Запад, 2006. – С. 497.

⁵⁶ Mathur, N. Educational Reform in Post-Mao China. – New Delhi: APH Publishing, 2007. – P. 251.

⁵⁷ Bai, Nanfeng. Young People's Attitudes and Aspirations: Will They Welcome Reform? // Reform in China: Challenges & Choices. – NY: Sharpe, 1987. – P. 163.

1.3. Рост числа и развитие интеллектуальных объединений и обществ

Китайская интеллигенция, рассуждая об отношениях между государством и обществом в 1980-х и 1990-х годах, не говорила о гипотетических ситуациях в абстрактных терминах – она полностью осознавала исторический контекст своих дискуссий. Расширение свобод в социальной и экономической сферах деятельности внесли изменения в организацию общества. Идеи дуализма общества и государства, экономической свободы и социального плюрализма перестали быть просто терминами, а описывали и рационализировали новую реальность⁵⁸.

Эта новая реальность была выражена и в марксистских терминах. В начале 1990-х годов появилась новая концепция «социалистической рыночной экономики» – переход от плановой экономики к рыночной. Значительные изменения в организации общества привели, по мнению многих западных исследователей, к зарождению «демократии широких масс»⁵⁹ и ее важных элементов – интеллектуальных объединений, организаций и НКО⁶⁰. Майкл Фролич, например, предположил, что рост числа ассоциаций был проявлением «гражданского общества, возглавляемого государством» в Китае⁶¹.

С начала 1980-х годов число ассоциаций стало резко увеличиваться. Так, например, исследование, проведенное в округе Сяошань провинции Чжэцзян в 1991–1992 гг. Гордоном Уайтом, Джудом Хауэллом совместно с группой китайских ученых из Академии общественных наук КНР, показало, что до 1979 г. в этом округе было всего четыре ассоциации. В 1990 же году общее количество ассоциаций уездного уровня достигло девяноста девяти⁶². В статье «Бэйцзин жибао» 1990 года сообщалось, что теперь в Китае насчитывается около 1800 общенациональных ассоциаций и 100 000 локальных организаций. Статья в

⁵⁸ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 173.

⁵⁹ 基层民主

⁶⁰ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 49.

⁶¹ Frolic, M. State-led civil society // Civil society in China. – London: Routledge, 1997. – P. 63.

⁶² White, G. Prospects for civil society in China: A case study of Xiaoshan City // The Australian Journal of Chinese Affairs. – 1993. – №. 29. – P. 71.

«Цюши» также подтвердила, что общее количество ассоциаций в Китае превысило 100 000 в 1991 году⁶³. По словам Го Динпина, профессора политологии в университете Фудань, в 1992 году насчитывалось 1400 общенациональных ассоциаций, 19 600 ассоциаций уровне провинций, 160 000 ассоциаций уездного уровня и «бесчисленные ассоциации уровнями ниже»⁶⁴.

Увеличение числа организаций было результатом как официальной инициативы сверху – например, комитеты для социального управления и экономического развития, так и народных инициатив снизу. Культурные и интеллектуальные общества возникали обычно по инициативе отдельных представителей интеллигенции⁶⁵. Это были в основном сообщества редакторов журналов, группы авторов книжных серий, полуавтономные профессиональные ассоциации и частные исследовательские институты, основанные интеллигенцией для выражения и продвижения своих идей⁶⁶.

Послабления в контроле партии над обществом в области идеологии, культуры, литературы и искусства послужили толчком к формированию огромного количества ассоциаций, собраний, групп по интересам и «салонов»⁶⁷. Особенно многочисленны были автономные студенческие группы («Салоны демократии») в Пекинском университете⁶⁸. Студенты выступали против различных привилегий, которыми пользовались руководящие работники партии на всех уровнях, против постоянно ухудшающегося относительно других слоев населения материального положения интеллигенции⁶⁹. Студенты, живущие в соседних общежитиях, часто сообщали друг другу о конференциях и

⁶³ Шэ Дэху. Югуань вого шэхуэй туаньти вэньти дэ сыкао(余德虎. 有关我国社会团体问题的思考. Размышления о проблеме общественных организаций в Китае) // Цюши, 1991. – №. 17. – С. 15.

⁶⁴ Го Динпин. Лунь Чжунго тэсэ дэ туаньти чжэнчжи (郭定平. 论中国特色的团体政治. Об организационной политике с китайской спецификой) // Чжэнчжи Юй Фалу, 1995. – № 6. – С. 24.

⁶⁵ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 51.

⁶⁶ Ding, X. L. The decline of communism in China: legitimacy crisis, 1977-1989. – Cambridge University Press, 2006. – P. 69.

⁶⁷ Tsou, T. The Tiananmen tragedy: the state-society relationship, choices, and mechanisms in historical perspective // Contemporary Chinese Politics in Historical Perspective. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 277.

⁶⁸ Wright, T. State repression and student protest in contemporary China // The China Quarterly. – 1999. – Vol. 157. – P. 149.

⁶⁹ Галенович, Ю. М. Противостояние в партии и обществе // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: энциклопедия в 10 т. Т. 9. Реформы и Модернизация (1976 – 2009) / под ред. С. Л. Тихвинского. – М.: Наука, 2016. – С. 443.

приглашали друг друга их посетить⁷⁰. Организуемые интеллектуальной элитой, в эти годы они служили одним из наиболее массовых способов распространения диссидентских идей⁷¹. Демократически настроенные студенческие активисты сыграли важную роль в развитии культуры дебатов и обсуждений действий государства⁷².

В интервью «Хуася Вэньчжай»⁷³ 1997 года Тун И, помощник диссидента Вэй Цзиншэна, рассказал, что в частном секторе существовало множество объединений интеллигенции, которые могли организовывать свои исследовательские группы, заниматься переводами западной литературы и публиковать тексты на «чувствительные» политические темы (например, «Кризис Китая» Эндрю Натана), а также устанавливать связи между выпускниками университетов и диссидентами⁷⁴.

Намерение государства контролировать расширяющуюся сеть объединений проявляется в китайском законодательстве о деятельности организаций. Согласно регламенту каждая ассоциация должна была быть официально зарегистрирована⁷⁵ и быть под надзором назначенной правительством организации⁷⁶, которая несла ответственность за управление деятельностью этой ассоциации⁷⁷. Несмотря на это, Министерство по гражданским делам сообщало, что многие ассоциации были созданы без надлежащей регистрации, и жаловалось на отсутствие эффективных мер по исполнению закона об ассоциациях.

⁷⁰ Pfaff, S. Double-edged rituals and the symbolic resources of collective action: Political commemorations and the mobilization of protest in 1989 // *Theory and Society*. – 2001. – Vol. 30., № 4. – P. 563.

⁷¹ Kim, P. Chinese student protests: Explaining the student movements of the 1980s and the lack of protests since 1989 // *Berkeley Undergraduate Journal*. – 2008. – Vol. 21., № 2. – P. 33.

⁷² Perry, E. *Chinese society: Change, conflict and resistance*. – London: Routledge, 2003. – P. 36.

⁷³ 华夏文摘

⁷⁴ Special Issue: A CND Interview with TONG Yi / *China News Digest*. 1997. URL: <http://www.cnd.org/CND-Global/CND-Global.97.3rd/CND-Global.97-08-09.html> (дата обращения: 17.02.21)

⁷⁵ Ван Ин, Чжэ Сяо, Сунь Биньяо. Шэтуань фачжань юй цзучжи тиси чжун гоу. 王颖, 折晓叶, 孙炳耀. 社团发展与组织体系重构. Развитие организаций и перестройка организационной системы // Гуаньли цизе, 1992. – Т. 2. – С. 189.

⁷⁶ 主管部门

⁷⁷ Ма Чаншань. Люэ лунь вого шэхуэй туаньти дэ фалу дивэй цзи даньхуа ци синчжэн хуа цинсян (马长山. 略论我国社会团体的法律地位及淡化其行政化倾向. О правовом статусе китайских общественных организаций и ослаблении тенденций к администрированию) // Чжэнчжи Юй Фалу, 1992. – № 3. – С. 37.

По закону даже самоорганизующаяся и самофинансируемая ассоциация должна была подчиняться надзорной организации. Однако это требование можно было обойти – например, отношения с надзорной организацией часто устанавливались через личные связи – *гуаньси* – просто для регистрации, без какого-либо последующего надзора со стороны последней⁷⁸. Одним из примеров служил Пекинский институт исследований социальных и технологических наук, во главе которого стояли Чэнь Цзымин и Ван Цзюньтао⁷⁹. Более того, поскольку формулировки о деятельности надзорной организации были крайне расплывчатыми, она могла как явно превышать свои полномочия и мешать делам членов сообщества, так и не вмешиваться вовсе⁸⁰. Такие надзорные организации, которые не проявляли особой любознательности, назывались *гуакао даньвэй*⁸¹ – организация, дающая право на самостоятельное управление.

Примером такого рода сообществ являлся Китайский центр социально-экономических исследований, основанный в Пекине аспирантом Пекинского университета. Этот Центр приобрел широкую известность благодаря тому, что часто предоставлял материалы о злободневных социальных проблемах в «Циннянь бао»⁸². В 1994 году Центр был закрыт из-за исследования о Дэн Сяопине, которое в КПК расценили как неоднозначное⁸³.

Некоторые группы интеллигенции также объединялись вокруг каких-либо академических журналов, например, «Общественные науки Китая»⁸⁴, «Традиции и современность»⁸⁵, «Восток»⁸⁶, или время от времени организовывали книжные клубы, дискуссии и конференции в крупных городах Китая. Одним из таких

⁷⁸ Ding, X. L. The decline of communism in China: legitimacy crisis, 1977-1989. – Cambridge University Press, 2006. – P. 68.

⁷⁹ Ding, X. L. The decline of communism in China: legitimacy crisis, 1977-1989. – Cambridge University Press, 2006. – P. 68.

⁸⁰ Ван Ин, Чжэ Сяое, Сунь Биньяо. Шэтуань фачжань юй цзучжи тиси чжун гоу. 王颖, 折晓叶, 孙炳耀. 社团发展与组织体系重构. Развитие организаций и перестройка организационной системы // Гуаньли цизе, 1992. – Т. 2. – С. 190.

⁸¹ 挂靠单位

⁸² 青年报

⁸³ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 62.

⁸⁴ 中国社会科学季刊

⁸⁵ 现代与传统

⁸⁶ 东方

объединений был книжный клуб «Саньвэй», который каждую субботу днем в одноименном книжном магазине в центре Пекина проводил встречи с участием более сотни человек, в основном профессоров, студентов и журналистов. Во время таких встреч участники обсуждали вопросы, касающиеся экономических и политических реформ Китая, прав человека и демократии. Наличие таких групп указывает на то, что найти надзорную организацию было не очень сложно.

Помимо таких полуофициальных организаций, существовало еще большое число «нелегальных» объединений. Например, появлялось множество небольших подпольных групп, которые были ответственны за планирование стачек и забастовок на фабриках и заводах. Для того чтобы избежать подозрений, они называли себя «агентствами по найму работников» или «ассоциациями взаимопомощи рабочих». Также существуют сведения о множестве подпольных изданий. Когда о выпущенном ими журнале или книге узнавало государство, было чрезвычайно сложно выяснить, где эти материалы были напечатаны⁸⁷. В циркуляре КПК и Госсовета, выпущенном в 1994 году, говорилось, что «источники публикаций, как и пути их поставки и распределения, должны тщательно проверяться». В «Жэньминь жибао» же заметили, что некоторые из таких нелегальных публицистов имеют «высокое положение в политических структурах» и что полное избавление от такого рода организаций может «занять очень долгое время»⁸⁸.

В течение первых лет экономической реформы важным аспектом реструктуризации китайского общества стало появление большого количества ассоциаций и сообществ, что было важным этапом в зарождении сферы организованной социальной жизни, усилении социальной автономии и развитии дифференцированных социальных интересов.

⁸⁷ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 65.

⁸⁸ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 74.

1.4. «Культурная горячка», «-измы» и влияние Запада

В связи с постоянными колебаниями уровня авторитарного контроля над свободой выражения (ужесточен в 1983 году, ослаблен в 1986 году, ужесточен в 1987 году, ослаблен в 1988 году⁸⁹) вопросов китайской интеллигенции о пути развития страны становилось все больше. Если первоначальный «истинный путь» оказался ошибочным, то какой должна стать система? Слово «реформы» звучало отовсюду. Политические реформы М. С. Горбачева также давали почву для обсуждения, причем происходящее в СССР теперь рассматривалось не как модель для подражания, а, скорее, как демонстрация возможности реформирования марксистско-ленинской системы⁹⁰.

Основная тема обсуждений в среде интеллигенции – авторитарный стиль правления Дэн Сяопина и то, как он резонировал с традиционным китайским деспотизмом. Коммунистическая формула «одна партия, один лидер» была подведена к тезису «партия – и есть страна»⁹¹. То, что Дэн Сяопин попытался придать этому демократическое звучание путем добавления 4 базовых принципов в китайскую конституцию⁹², никак не уменьшало чувства волнения и разочарования интеллигенции, чьи надежды на поиск нового пути встречали все новые и новые преграды.

Так, в 1980-х годах китайская интеллигенция начала задумываться о том, что причина текущих проблем корнями уходит в китайскую историю⁹³. Они начали все глубже изучать китайскую культуру и интерпретировать ее по-своему. Эта тенденция, которая наметилась в 1983 и достигла пика в 1985 – 86

⁸⁹ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.136.

⁹⁰ Cheng, E. Standoff at Tiananmen: How Chinese Students Shocked the World with a Magnificent Movement for Democracy and Liberty That Ended in the Tragic Tiananmen Massacre. – NY: Sensys Corp., 2009. – P. 27.

⁹¹ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.136.

⁹² Четыре базовых принципа заключаются в следующем: следовать по пути социализма, придерживаться диктатуры пролетариата (впоследствии эта формулировка была заменена на «народно-демократическая диктатура»), сохранять руководство коммунистической партии, придерживаться марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна.

⁹³ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.143.

годах, в народе называлась «культурная горячка»⁹⁴. Она имела две основные особенности: критика традиционной китайской культуры и критика китайского национального характера. Причиной этих дебатов послужила необходимость поиска «новых» культурных концепций и черт национального характера. И этот поиск начался.

Такого рода обсуждения о пути развития страны, несмотря на значительное различие в историческом контексте, перекликались с вопросами, обсуждаемыми и в «движении 4 мая». Еще одной общей чертой с «движением» было поспешное «выхватывание» западных идей в ходе поиска альтернативных культурных концепций. Список западных названий и «измов», которые начали циркулировать в китайских интеллектуальных кругах в сферах философии, литературы, искусства и социальных наук, был внушительным: от Ницше, Фрейда, Вебера, Кафки и Сартра до Беньямина, Маркузе, Лакана и Деррида; от латиноамериканского писателя Гарсиа Маркеса до французского писателя-фантаста Роб-Грийе; от модернизма, футуризма и сюрреализма до структурализма, семиотики, постструктурализма, постмодернизма и теории рецепции, аналитической философии, лингвистической философии, психологии и теории управления⁹⁵. В течение 1980-х годов энтузиазм в отношении новых западных философских и политических теорий неоднократно возникал в кругах интеллигенции и студенчества, создавая так называемые «горячки», такие как «горячка Фрейда», «горячка Ницше», «горячка Сартра»⁹⁶.

Печатались новые издания, самыми значимыми из которых стали «Культура: Китай и мир»⁹⁷ и «Навстречу будущему»⁹⁸. Весной – летом 1984 года были опубликованы первые номера «Навстречу будущему», быстро ставшие бестселлерами. Журналы «Новое просвещение» и «XX век», редакционная

⁹⁴ В английских источниках — culture fever/searching-for-roots fever. На китайском — *вэньхуа жэ* – 文化热.

⁹⁵ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 144.

⁹⁶ Чжу Пэйлянь. Дасюэшэн дэ «ницайжэ» (朱培莲. 大学生的《尼采热》. «Горячка Ницше» среди студентов) // Циньянь яньцзю чубаньшэ, 1988. – С. 32.

⁹⁷ «Культура: Китай и Мир»/«Вэньхуа: Чжунго юй шицзе цуншу» — 文化: 中国与世界丛书.

⁹⁸ «Навстречу Будущему»/«Цзоусян вэйлай цуншу» — 走向未来丛书.

коллегия которого включала таких видных деятелей, как Чэнь Цзымин, Ли Цзэхоу и Лю Цзайфу, также были очень популярными⁹⁹. Удачно подобранное время публикаций стало одним из определяющим критериев успеха серии¹⁰⁰. В этот момент экономические реформы в сельских районах Китая достигли положительных результатов, и власти озаботились проведением реформ и в городе.

Помимо этого, с момента начала реформ Китай посетило огромное число как хуацяо, так и европейцев; и наоборот – множество китайцев уехали за рубеж. The Voice of America (VOA), как и British Broadcasting Corporation (BBC), более не рассматривались в качестве «вражеских программ»¹⁰¹. Атмосфера изменений и реформ пробудила тягу к знаниям и желание понять западное общество.

Партия была обеспокоена все возрастающим интересом народа к Западу. В 1983 году была запущена кампания «борьбы с духовным загрязнением»¹⁰², направленная во многом на то, чтобы снизить интерес общественности к Западу¹⁰³. «Духовное загрязнение», по заявлению партии, могло принимать различные формы – от чрезмерного индивидуализма и эгоизма до одержимости деньгами и распространения порнографии, ношения причесок и одежды в западном стиле¹⁰⁴. Однако вскоре кампания была свернута.

Интеллигенция старалась играть активную роль в процессе модернизации. Из большого потока выделилась «выдающаяся группа»¹⁰⁵, самыми значимыми представителями которой были наиболее видные литературные критики, режиссеры и прочие деятели «пятого поколения»¹⁰⁶; группа сотрудничала с

⁹⁹ Van Dongen, E. *Realistic Revolution: Contesting Chinese History, Culture, and Politics after 1989*. – Cambridge University Press, 2019. – P. 97.

¹⁰⁰ Gu, E. Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979–1989): A case study of three intellectual groups // *The Journal of Asian Studies*. – 1999. – Vol. 58., № 2. – P. 402.

¹⁰¹ Zhao, D. State-society relations and the discourses and activities of the 1989 Beijing student movement // *American Journal of Sociology*. – 2000. – Vol. 105., № 6. – P. 1601.

¹⁰² 清除精神污染运动 – цинчу цзиншэнь ужэнь юньдун.

¹⁰³ *The Cambridge History of China: Vol. 15, The People's Republic, Part 2, Revolutions Within the Chinese Revolution, 1966–1982* / ed. by D. Twitchett, J. Fairbank. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 588.

¹⁰⁴ Carrico, K. Eliminating Spiritual Pollution: A Genealogy of Closed Political Thought in China's Era of Opening // *The China Journal*. – 2017. – Vol. 78., № 1. – P. 107.

¹⁰⁵ 精英群 – цзинъин цюнь.

¹⁰⁶ Пятое поколение китайских кинорежиссеров — представители первого после Культурной революции выпуска Пекинской киноакадемии: в 1982 году её закончили такие ставшие впоследствии известными режиссёры, как

журналом «Чтения»¹⁰⁷ и пользовалась поддержкой Чжао Цзыяна. Среди других «больших имен» в интеллигенции выделились «три Лю и один Ли», где каждый был своеобразным символом своего поколения: Лю Биньянь – представитель старшего поколения; Лю Цзайфу – литературный теоретик, и Ли Цзэху – специалист по эстетике и историк философии, поколение средних лет; и Лю Сяобо – литературный критик, младшее поколение¹⁰⁸. Фан Личжи¹⁰⁹, «светило» в области естественных наук, привлекал внимание всех поколений, но особый интерес он вызывал у молодого. Так, например, он поддержал демонстрацию студентов Научно-технического университета Китая¹¹⁰ в 1986 году в знак протеста против антидемократических местных выборов в Хэфэе.

Так, большая часть китайской интеллигенции в середине 1980-х годов сходилась во мнении: магистральное направление китайских реформ было правильным, однако успехи стоит углубить, стоит предоставить больше демократических свобод. Реформа сельского хозяйства была успешной, реформы в городе были развернуты в 1984, коммунистические лидеры Ху Яобан и Чжао Цзыян тоже выступали за активные изменения, в 1985 году Ху Цили, член Политбюро, отвечающий за вопросы идеологии и культуры, выступил с решительной поддержкой «свободы творчества», назначение в 1986 году писателя Ван Мэна министром культуры демонстрировало расположение государства к интеллигенции. Большая часть интеллигенции была довольна текущим положением дел и уверена в том, что «реформы не остановить»¹¹¹. Они были убеждены, что процесс демократизации скоро начнется, что «демократия –

Чжан Имоу, Тянь Чжуанчжуан, Чэнь Кайгэ и Чжан Цзюньчао. Выходом представителей «пятого поколения» на широкую арену считаются фильмы Чжан Цзюньчао «Один и восемь» (1983) и Чэнь Кайгэ «Желтая земля» (1984). Именно в этот период китайское кино стало выходить на широкую международную арену, собирая премии и награды престижных кинофестивалей: «Золотой медведь» за «Красный гаолян» (1988), «Золотой лев» за «Цю Цзюй подает в суд» (1992), «Золотая пальмовая ветвь» за «Прощай, моя наложница» (1993).

¹⁰⁷ «Чтения»/«Душу» — 读书 — журнал, имевший большую популярность в кругах интеллигенции, основанный в 1979 году. Многие статьи были посвящены западной философии того времени.

¹⁰⁸ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.144.

¹⁰⁹ Фан Личжи (1936 – 2012) занимал должности профессора астрофизики и первого проректора Научно-технического университета Китая.

¹¹⁰ Научно-технический университет Китая (中国科学技术大学) – государственный университет, расположен в г. Хэфэй провинции Аньхой. Основан в Пекине Академией наук Китая в 1958 г.

¹¹¹ «改革取向不可逆转» – *гайгэ цюйсян букэ ничжюань*.

главная основа и предпосылка всех модернизаций»¹¹², что «экономическая реформа не может быть успешна без проведения всеобъемлющих реформ во всех других сферах, что оживление экономики тесно связано с демократизацией политики»¹¹³. Тем не менее, «происшествия» вроде кампании против Бай Хуа и «борьбы с духовным загрязнением» способствовали поискам интеллигенцией путей демократизации Китая. Дискуссии по поводу пути развития страны и необходимости демократизации было уже невозможно остановить. С углублением знаний о Западе китайская интеллигенция начала сравнивать и проводить параллели, дебаты становились все оживленнее.

1.5 Дискуссии интеллигенции о пути развития страны

К лету 1988 года сомнения китайской интеллигенции стали еще глубже, чем в предыдущие несколько лет. Возможно, сама по себе идея социализма – ошибка, проваленный эксперимент? Не была ли поддержка крестьянской революции в 40-х годах в корне неправильной?¹¹⁴ Истоки этих сомнений, частично вызванных разочарованием в политике М. С. Горбачева в СССР, брали начало в 1987 году, с момента отстранения Ху Яобана с должности и партийных чисток, направленных против прочих выдающихся представителей интеллигенции. До того времени между интеллигенцией и партией действовало взаимовыгодное соглашение: партия допустила послабления для интеллигенции в своих требованиях считать партию и государство нераздельными, тем самым позволяя интеллигенции отождествлять себя со страной и стоять как бы немного «в стороне» от политики, но в то же время позволяя поддерживать лозунги «четырёх модернизаций» и экономических реформ. Со своей стороны, интеллигенция соглашалась с тем, что на тот момент интересы общества были в

¹¹² Jingsheng, W. The Fifth Modernization: China's Human Rights Movement 1978-79 // China's Human Rights Movement, 1979. – Vol. 4. – P. 54.

¹¹³ Fang, L., Williams, J. Bringing down the Great Wall: writings on science, culture, and democracy in China. – NY: W.W. Norton & Company, 1992. – P. 151.

¹¹⁴ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P. 147.

приоритете. Так, и партия, и интеллигенция слегка отступили от своих позиций и выдвинули связующую их идею «интересов страны» на передний план¹¹⁵. Этот компромисс ставил интеллигенцию в положение, свойственное китайской традиции: они стояли отдельно, но не совсем; высказывали критику, но и сотрудничали одновременно.

Такая система показала себя вполне успешно действующей вплоть до 1987 года. Двумя людьми, взаимодействие и кооперация которых отражала работающую модель сотрудничества партии и интеллигенции, были Ху Яобан (партия) и Лю Биньянь (интеллигенция). После исключения их и других видных деятелей того времени из партии и на фоне обострения социальных проблем, коррупции, инфляции и снижения общественной поддержки китайская интеллигенция впервые в истории массово начала задавать вопросы об «истинном лице» марксистской системы¹¹⁶. Ряд представителей интеллигенции считал, что причина коррупции и тирании бюрократического аппарата уходит глубоко корнями в феодальную, ориентированную на крестьян авторитарную культуру¹¹⁷.

В апреле 1988 года, став продолжением просветительских дебатов, прошла волна протестов. Авторы плакатов хотели, чтобы представители ВСНП¹¹⁸ уделили внимание кризису, царившему в культурной сфере, требовали действий по улучшению их положения¹¹⁹. Правительство пошло навстречу интеллигенции – сессия была описана как одна из самых открытых из когда-либо проведенных. Однако критические настроения, распространившиеся в интеллектуальных кругах, все усиливались. Интеллигенция критиковала политику, которая ее

¹¹⁵ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.147.

¹¹⁶ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.147.

¹¹⁷ Misra, K. Deng's China: From Post-Maoism to Post-Marxism // Economic and Political Weekly. – 1998. – Vol. 33., № 42. – P. 2744.

¹¹⁸ В марте 1988 года началась 1-ая сессия ВСНП 7-го созыва.

¹¹⁹ Cherrington, R. Deng's generation: young intellectuals in 1980's China. – Berlin: Springer, 2016. – P. 97.

разоряла, в то время как уличных торговцев делала «богачами»¹²⁰. Коррупция рассматривалась как серьезная проблема.

Все более отчужденная позиция интеллигенции хорошо просматривается на примере трех петиций февраля и марта 1989 года, которые последовали за открытым письмом Фан Личжи к Дэн Сяопину 6 января. Общественный деятель призывал к всеобщей амнистии и освобождению политических заключенных, приуроченных к годовщине «движения 4 мая», Великой французской революции и основания КНР¹²¹, и подчеркивал требование интеллигенции о соблюдении прав человека и гражданских свобод. Первая петиция в поддержку его требований, содержащая 33 подписи, была организована молодыми представителями интеллигенции, включая поэтов Бэй Дао, Лао Му и Ман Кэ, которые публиковались в основном в неофициальных журналах. С другой стороны, она была подписана также людьми с большим авторитетом и влиянием в научных кругах, например, писателями Бин Синем, У Цзусяном, Чжан Цзе, Шао Янсяном и выдающимися учеными Тан Ицзе и Ли Цзэхоу. Это была первая попытка интеллигенции объединиться для демонстрации своей оппозиции действиям партии с 1957 года¹²². За первой петицией последовала вторая, которую подписали 42 человека из числа исследователей в сферах естественных наук, многие из которых до того момента не решались высказывать свои политические взгляды. Затем появилась третья петиция, подписанная 43 молодыми учеными, занятыми в сфере социальных и общественных наук, которые тоже ранее не подавали голоса¹²³.

Настолько открытый и публичный вызов высшим политическим властям был беспрецедентным в КНР. Несмотря на то, что эта новообразованная «коалиция» была разнородной, она выступала с позиции общности

¹²⁰ Cherrington, R. *Deng's generation: young intellectuals in 1980's China*. – Berlin: Springer, 2016. – P. 98.

¹²¹ Gu, E. *Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979 – 1989): A case study of three intellectual groups* // *The Journal of Asian Studies*. – 1999. – Vol. 58., № 2. – P. 424.

¹²² Baum, R. *Burying Mao: Chinese politics in the age of Deng Xiaoping*. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – P. 241.

¹²³ Goldman, M., Link, P. *China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state* // *China's quest for national identity*. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.148.

интеллигенции. Часть дебатов о годовщине «движения 4 мая» была посвящена проблеме целостности и независимости современной интеллигенции, которая, по их мнению, была достигнута в 1920-е годы, но затем утрачена в последующие. Эти обсуждения оказали важное влияние на последующие события на площади Тяньаньмэнь¹²⁴.

Помимо этого, к концу 1980-х годов экономические реформы в Китае находились в глубоком кризисе. Рос уровень инфляции. Коррупция была повсюду¹²⁵. Вера как интеллигенции, так и обычных людей в реформы уменьшалась, в то время как вопросы и сомнения в курсе властей расширялись. Прогрессирование экономического кризиса еще более убеждало интеллектуальную элиту в необходимости срочной демократизации. Социально-экономические проблемы, возникшие в ходе реформ, развивались стремительно и затронули практически все слои городского населения. Так, реформы в сельских областях значительно повысили производительность сельскохозяйственного сектора и освободили тех рабочих, что раньше были привязаны к земле. Даже при значительном увеличении количества промышленных предприятий избыток рабочих в сельской местности все еще оценивался в 200 миллионов. Многие сельские рабочие устремились в большие города в поисках работы. Более 2,5 миллионов сельских рабочих приехали в Гуанчжоу за февраль и март 1989 года¹²⁶. Города становились перенаселенными, продуктов не хватало, повышался уровень преступности¹²⁷. Многие китайцы, привыкшие к безопасной жизни, теперь уже не осмеливались выходить на улицу после наступления темноты.

Интеллигенция вновь обратила взгляд в прошлое, во многовековую историю – на этот раз, в поисках образца – где образованная элита всегда

¹²⁴ Goldman, M., Link, P. China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity. – NY: Cornell University Press, 1993. – P.149.

¹²⁵ Zhao, D. The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 123.

¹²⁶ Kristof, N. Prelude to Tiananmen: The Reasons Why China Erupts. // Tiananmen: China's Struggle for Democracy: It's Prelude, Development, Aftermath and Impact, 1990. – P. 35.

¹²⁷ Zhao, D. The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 124.

занимала особую позицию. К концу 1980-х годов перенесшая по вине коммунистического правительства множество невзгод, интеллигенция считала, что она одна могла предотвратить китайский политический кризис¹²⁸; что без нее демократизацию осуществить невозможно.

К концу 1980-х годов большая часть представителей интеллигенции полагала, что события эпохи Мао Цзэдуна привели к пренебрежению правами человека, независимой правовой системы и, прежде всего, демократической политики. Они также считали, что Китай после сорока лет коммунистического правления все еще остается одной из самых бедных стран в мире, что отсталость Китая является результатом его жесткой плановой экономики и политической системы. Более того, они были убеждены в том, что экономика Китая переживает глубокий кризис, причиной которого являются медленные темпы политических реформ.

¹²⁸ Kelliher, D. Keeping democracy safe from the masses: intellectuals and elitism in the Chinese protest movement // Comparative Politics. – 1993. – Vol. 25., № 4. – P. 384.

Глава 2. 1989 – 2002

2.1. Интеллигенция и Тяньаньмэнь

Во время событий весны – лета 1989 года представители интеллигенции широко поддержали действия студентов. Так, например, Лю Сяобо вспоминает, как он просил руководителя Департамента по связям с общественностью Пекинского педагогического университета как можно скорее отправить стеганные одеяла, зимние куртки, зонты, плащи и другие предметы первой необходимости на площадь Тяньаньмэнь¹²⁹. Число активных участников было не очень большим – вероятно, не более нескольких сотен человек в Пекине¹³⁰. Тем не менее, так как большинство из них были профессорами, писателями, журналистами и студентами крупных университетов, они могли эффективно распространять и доносить до публики свои идеи. Их влияние на других представителей интеллигенции и студентов было огромным. Интеллигенция пыталась помочь студенческим руководителям движения установить контроль над происходящим на площади. После снятия военного положения и вывода войск они считали, что движение было «последним сражением между тьмой и светом»¹³¹. Они также полагали, что «Пока над площадью Тяньаньмэнь реет флаг, демократические изменения цепной реакцией пройдут по стране»¹³².

Однако подавление выступления летом 1989 года стало переломным моментом в государственной политике по отношению к инакомыслию. Сразу после 4 июня большинство идей, распространенных в кругах студентов и интеллигенции в конце 80-х, подверглись жесткой критике как в государственных медиа, так и академических изданиях, а против тех, кто их

¹²⁹ Лю Сяобо. Можи синцуньчжэ дэ дубай (刘晓波. 末日幸存者的独白. Монолог выжившего после Судного дня) // Шибао Чубань Гунсы, 1992. – С. 129.

¹³⁰ Zhao, D. The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 217.

¹³¹ Zhao, D. The power of Tiananmen State-society relations and the 1989 Beijing student movement. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 191.

¹³² Чжэн И. Лиши дэ и бу фэнь – юньюань цзибучу дэ шиши фэн синь (郑义. 历史的一部分 – 永远寄不出的十一封信. Часть истории. Одиннадцать никогда не отправленных писем) // Ваньсян Чубань Гунсы, 1993. – С. 96.

продвигал, начались преследования, их изгоняли из академических кругов и лишали возможности публиковаться¹³³.

Окончание холодной войны и события на площади Тяньаньмэнь оказали влияние на экономическую и политическую стратегию китайского руководства. Чжао Цзыян был обвинен в том, что не подавил демонстрации ранее; созданные им аналитические центры были распущены, а ряд экономистов и ученых попали в тюрьму за поддержку протестов. Чжао Цзыян был помещен под домашний арест, под которым прожил пятнадцать лет, играя в гольф во дворе и тайно записывая на кассеты мемуары. Китайское правительство постаралось стереть его имя из истории успеха страны¹³⁴.

Несмотря на это, после событий на площади Тяньаньмэнь последовала кампания критики государства рядом демократически настроенных представителей интеллигенции, в которой подчеркивалась важность власти общества, экономической и индивидуальной свободы, социального и политического плюрализма. Например, в начале 1990-х в «Чжунго фасюэ» было опубликовано несколько статей, посвященных демократии и верховенству закона. Один из авторов утверждал, что на начальной стадии социализма все еще необходимо было бороться за свободу, демократию и гражданские права¹³⁵.

Критики обвиняли руководство в том, что власть в стране держится на страхе людей перед социальными беспорядками, а государство не служит интересам общества в достаточной мере. Они задавались вопросом, почему некоторые ведущие чиновники оказывались замешанными в коррупции и прочих сомнительных делах, и почему работа по предотвращению этих действий велась не слишком активно. Людей, которые продолжали продвигать эти идеи, теми или иными способами заставили молчать – в основном это были демократически

¹³³ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 30.

¹³⁴ Osnos, E. Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China. – Macmillan, 2014. – P. 254.

¹³⁵ Сунь Гохуа. Миньчжу цзяньшэ бисюй нажу фачжи гуйдао (孙国华. 民主建设必须纳入法治轨道. Строительство демократии должно происходить в соответствии с законом) // Чжунго фасюэ, 1990. – № 5. – с. 9.

настроенные представители интеллигенции, имеющие связи с Ху Яобаном и Чжао Цзяняном¹³⁶.

К концу 80-х экономические показатели упали до минимальных с 1976 года. Реформы продолжились с новой силой, и, чтобы предотвратить повторение 1989 года, партия предложила народу негласную сделку: большую свободу в экономической деятельности в обмен на меньшую свободу в политической жизни¹³⁷; и в 1991 году кампания критики государства явно пошла на убыль¹³⁸.

После череды арестов интеллигенция стала очень осторожна в отношении того, что стоит говорить на публике. Ученым, которые стремились к большей академической свободе и автономии, убедительно сообщили об ограничениях, установленных правительством, и те крайне редко пытались их обойти. За публичные заявления многие теряли должности в государственных и учебных учреждениях. Те, кто пытался организовать политические объединения или научные конференции с участием писателей-диссидентов, были задержаны или отправлены в заключение¹³⁹. Однако несмотря на то, что ряд ученых получил предупреждения правительства или потерял работу за выражение чрезмерно радикальных идей, такие действия властей в глазах интеллигенции были падающими по сравнению с тем, как к ней относились в эпоху Мао Цзэдуна.

Несмотря на то, что некоторые представители интеллигенции отстранились от партии, другие ее представители находились в тесном партнерстве с правительством, консультируя его в различных областях правовой системы. В 1990-е множество важных вопросов, касающихся экономического развития, становились предметом жарких дебатов среди интеллигенции, что оказывало значительное влияние на процесс выработки дальнейшей политики. Так, интересным примером служили отношения между профессором Ван Хунином и Цзян Цзэмином. Говорят, что Ван Хунин дважды отклонял

¹³⁶ Goldman, M. *Sowing the seeds of democracy in China: Political reform in the Deng Xiaoping era.* – Harvard University Press, 1994. – 444 P. 333.

¹³⁷ Osnos, E. *Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China.* – Macmillan, 2014. – P. 255.

¹³⁸ Ding, Y. *Chinese democracy after Tiananmen.* – UBC Press, 2002. – P. 32.

¹³⁹ Guo, X. *State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development.* – London: Routledge, 2003. – P. 125.

приглашение Цзян Цзэминя стать его политическим советником, прежде чем, наконец, принял его. Консультации в области политических решений пришли на смену конкуренции и оппозиции¹⁴⁰.

Большая часть китайской интеллектуальной элиты вступила в партию и быстро переориентировалась на поддержку правительства. Подобно обычному населению и бюрократической элите, ее представители в целом стали согласны с тем, что единство, стабильность, процветание и демократия Китая могут быть достигнуты лишь благодаря руководству партии. Они теперь считали, что на данном этапе Китай не может принять западную парламентскую систему с предвыборными кампаниями и выборами, поэтому ориентация на Запад бесперспективна и не обоснована. Настроенные патриотически, они полагали, что должны внести свой вклад в повышение благосостояния общества, вместо того чтобы стремиться к недостижимой мгновенной демократизации.

Стало очень мало представителей интеллигенции, которые бы искренне считали, что Китай может обойтись без руководства партии. Хотя они все еще критично относились к коррупции среди официальных лиц и были более озабочены ходом проведения политических реформ, чем другие социальные группы, они поддерживали партию не менее, чем остальные¹⁴¹. «Если произойдет восстание, кто будет править страной? Кто может делать это лучше, чем КПК?» – спросил Мао Юши, глава института экономики «Юнирул»¹⁴², на симпозиуме в Сиане в 2000 году¹⁴³.

¹⁴⁰ Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 46.

¹⁴¹ Guo, X. State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development. – London: Routledge, 2003. – P. 126.

¹⁴² Институт экономики «Юнирул» (от «universal rules») – 天则经济研究所 – научный и аналитический центр Китая, основанный в июле 1993 года пятью экономистами из Академии общественных наук Китая, которые хотели проводить независимые экономические исследования и политические консультации. Цель института – анализ современной экономической ситуации Китая, проведение конференций и симпозиумов. В 1996 году он начал официально консультировать Азиатский банк развития, а в 1997 году – Африканский банк развития. По сообщениям ряда СМИ, таких как *Time* и *Business China*, «Юнирул» стал одним из самых престижных аналитических центров в Китае. В августе 2019 года центр объявил о своем закрытии по причине давления со стороны правительства.

¹⁴³ Guo, X. State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development. – London: Routledge, 2003. – P. 126.

2.2. Изменения в общественном сознании

Некоторая часть изменений в обществе в 1990-х годах была результатом смены вектора государственной политики и дальнейшего развития рыночной экономики и гражданского общества, на другую оказали влияния события 1980-х годов и, в частности, демонстрации 1989 года. После подавления манифестаций 1989 года правительство парадоксальным образом завоевало «доверие» среди интеллигенции и рядовых жителей страны¹⁴⁴. Однако это не значит, что народ одобрял кровавые военные столкновения; напротив, он был обеспокоен возможной сменой вектора государственной политики после 1989 года в сторону репрессий маоистского периода.

Тем не менее, реформы продолжались в 1990-х годах. То, что даже после военных репрессий государство продолжало проводить политику реформ, заставило все большее количество людей уверовать в то, что продолжение этого курса является единственно возможным путем укрепления государства¹⁴⁵.

Так, если в 1980-е годы интеллектуальная элита не испытывала большого доверия к государству, то в начале 1990-х годов ситуация изменилась. Во-первых, после подавления движения самые радикальные представители интеллигенции бежали на Запад, а оставшаяся часть была вынуждена молчать. Тем не менее, в 1990-х, несмотря на то, что мероприятия и движения, которые могли представлять хоть какую-то угрозу режиму, все еще были под запретом, государство стало меньше вмешиваться в культурную жизнь¹⁴⁶. Большая часть кампаний 1980-х годов, например, кампания «борьбы с духовным загрязнением» 1983 года и кампания против «буржуазной либерализации» 1986 – 87 годов, были направлены на противодействие тем мероприятиям, которые, согласно доктринам ортодоксального марксизма, считались «буржуазными». Такие

¹⁴⁴ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 336.

¹⁴⁵ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 336.

¹⁴⁶ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 337.

кампании настроили многих представителей интеллигенции против государства и подтолкнули их к радикализму. Однако в 1990-х таких кампаний не проводилось. По большому счету, причина была в том, что нужды в таких кампаниях и не было – интеллигенция более не хотела радикальным образом воздействовать на режим¹⁴⁷.

В 1980-е годы «новые» идеи часто оказывали взрывное воздействие на общество и интеллигенцию: например, «горячка Сартра», «горячка Ницше», споры о фильме «Плач по реке» и т. д. Сотни и тысячи студентов в нетерпении ждали начала лекций, организуемых интеллигенцией в кампусах университетов. Однако в начале нового десятилетия поток информации, поступающей в Китай, значительно расширился. Так, если в начале политики реформ и открытости по всему Китаю было около 200 газетных изданий, то к 1991 году их количество насчитывало 1 534, а к 1995 их стало уже 2 200¹⁴⁸. К концу 1995 года ежедневно продавалось около 72 миллионов газет¹⁴⁹. В связи с расширившимся доступом к разного рода источникам информации, книгам и газетам, доступным почти каждому, новые идеи более не оказывали такого «взрывного» влияния на сознание людей, как в 1980-е.

Помимо пропаганды патриотизма на государственном уровне, другие факторы также сыграли роль в этой смене приоритетов. Так, в 80-х годах китайская интеллигенция с интересом и восхищением наблюдала за изменениями, происходящими в Советском Союзе, при этом с критикой относилась к реформам Дэн Сяопина под лозунгом «переходя реку, ощупываем камни». Однако в начале нового десятилетия она разочаровалась в том хаосе, в котором пребывала внутренняя политика России, низких экономических показателях, а также в том, что западные страны были более заинтересованы в ослаблении международных позиций России, нежели в оказании помощи в

¹⁴⁷ Tsou, T. The Tiananmen tragedy: the state-society relationship, choices, and mechanisms in historical perspective // Contemporary Chinese Politics in Historical Perspective. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 287.

¹⁴⁸ Zhao, Y. Media, market, and democracy in China: Between the party line and the bottom line. – Illinois: University of Illinois Press, 1998. – P. 17.

¹⁴⁹ Zhao, Y. Media, market, and democracy in China: Between the party line and the bottom line. – Illinois: University of Illinois Press, 1998. – P. 57.

болезненных для страны реформах¹⁵⁰. Более того, несмотря на понимание интеллигенции, что в начале 90-х Китаю еще было куда стремиться, она была удовлетворена результатами текущих изменений. Китайская общественность стала разочаровываться в США из-за того негативного тона, в котором американские СМИ освещали происходящее в Китае. Многие общественные деятели 80-х, ратовавшие за свободу прессы, в начале 90-х обнаружили, что предвзятость в американских СМИ, вероятно, была вызвана ощущением американской стороной «культурной гегемонии» над Китаем¹⁵¹. Иными словами, подход времен холодной войны, который был распространен среди некоторых американских политиков и международных журналистов, по иронии судьбы, помог стабилизировать китайский режим и сплотить интеллигенцию против нового «оппонента» в лице США. На этом фоне Центральный Комитет КПК и продолжил реформировать науку, образование и культуру, что поддерживало энтузиазм общества по поводу будущего страны, а также содействовал продвижению интеллигенции по службе, что вносило вклад в быстрое экономическое развитие¹⁵². Если основные настроения среди интеллигенции 1980-х годов можно охарактеризовать как «прозападные», то с начала 1990-х в Китае начался стремительный подъем национализма в кругах интеллектуальной элиты¹⁵³. Интересно отметить, что те ее представители, которые в 1980-е придерживались твердых «прозападных» позиций, в 1990-е упорно отстаивали национальные идеи. Велась широкая агитационная патриотическая кампания, продолжающаяся по сей день. Так, Си Цзиньпин, говоря об интеллигенции, заявляет, что эта группа населения самая идеологически активная, особенно молодая ее часть; если ее система ценностей и политическая ориентация не будут

¹⁵⁰ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 338.

¹⁵¹ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 338.

¹⁵² Го Вэй. 1978–1992 нянь Чжунго гунчаньдан чжиши фэньцзы чжэнцэ дэ яньцзю (郭炜. 1978–1992 年中国共产党知识分子政策的研究. Исследование политики КПК в отношении интеллигенции в 1978–1992 гг.) // Чжунгун чжуньян дансяо, 2014. – С. 147.

¹⁵³ Zhao, S. *Chinese Intellectuals' Quest for National Greatness and Nationalistic Writing in the 1990s* // *The China Quarterly*. – 1997. – Т. 152. – С. 731.

должным образом отслеживаться и направляться, они могут поставить под угрозу идеологическую целостность общества и негативно повлиять на национальное развитие¹⁵⁴.

2.3. Неоконсерватизм и национализм

В 1990-е разные группы китайского населения сходились во мнении о необходимости сильного государства, первоочередности экономических реформ и неприятии радикализма 1980-х. Для определения этого явления появился термин «неоконсерватизм»¹⁵⁵.

В Китае в конце XIX века консерватизм значил сохранение старого порядка и сопротивление любым изменениям или реформам. При Мао Цзэдуне консерваторы стали ассоциироваться с «феодализмом» и «отсталостью». Чтобы дистанцироваться от таких коннотаций, в 1990-е годы к термину добавили приставку «нео»¹⁵⁶.

Как правило, приставка «нео» используется либо для придания термину более сильной смысловой окраски, как бы укореняя его во времени, либо для передачи качественных изменений, произошедших с теорией через определенный отрезок времени¹⁵⁷. В статье профессора литературы Пекинского университета Ван Юэчуаня «Связь между радикализмом и консерватизмом в исследовании современной культуры», говорится, что использование приставки «нео» в китайском неоконсерватизме означает возрождение консерватизма после длительного периода упадка.¹⁵⁸ Ван Сыжуй утверждает¹⁵⁹, что, в отличие

¹⁵⁴ Чжао Вэньсинь. Си Цзиньпин гуаньюй чжиши фэньцзы гунцзо чжуньяо лунышу дэ «Сань гэ туньби» (赵文心. 习近平关于知识分子工作重要论述的«三个统一». «Три единства» Си Цзиньпина в работе с интеллигенцией) // Хэнянь шэньхуэй кэсюэ, 2020. – С. 53.

¹⁵⁵ 新保守主义

¹⁵⁶ Van Dongen, E. Realistic Revolution: Contesting Chinese History, Culture, and Politics after 1989. – Cambridge University Press, 2019. – P. 48.

¹⁵⁷ Robertson, D. “Neo” // The Routledge Dictionary of Politics. – London: Routledge, 2004. – P. 337.

¹⁵⁸ Ван Юэчуань. Дандай вэньхуа яньцзю чжун дэ цзицинъ юй баошоу чживэй. (王岳川. 当代文化研究中的激进与保守之维. Связь между радикализмом и консерватизмом в исследованиях современной культуры) // Вэньи лилунъ яньцзю, 1995. – №4. – С. 432.

¹⁵⁹ Ван Сыжуй. Цзинъжи Чжунго дэ синъ баошоу чжуи (王思睿. 今日中国的新保守主义. Неоконсерватизм в Китае сегодня) // Бэйцзин вэньсюэ, 1999. – с. 412.

от классического американского либерального неоконсерватизма, китайские неоконсерваторы были, по сути, антилиберальными в западном понимании и поддерживали этатизм¹⁶⁰, «новый порядок»¹⁶¹ и национализм.

Неоконсерватизм трактовался как теория, объединяющая различные политические фракции и группы населения, от руководящего класса до либерально настроенной интеллигенции¹⁶². Левые относились к этому термину как к консервативному, а правые – как к либеральному¹⁶³. Таким образом, неоконсерватизм являлся «промежуточной» идеологией, «средней позицией» или «средним путем» между «консерваторами», что в китайской среде относится к «старым левым», а именно таким фигурам, как Ху Цяому, Дэн Лицзюнь, Бо Ибо, Пэн Чжэнь и Чэнь Юнь, и «радикальными реформаторами» и либерально настроенной интеллигенцией¹⁶⁴.

Так, Ван Сяодун, выпускник Пекинского университета, который впоследствии стал редактором журнала «Чжаньлюэ юй гуаньли»¹⁶⁵, утверждает, что рост национализма в 1990-х годах был необходим для возвращения к нормальной жизни после «национального нигилизма» 80-х годов¹⁶⁶. Экономист Шэн Хун пишет, что из-за «издевательств и унижений», которые принес Китаю Запад во времена Опиумных войн, страна не могла не использовать националистические стратегии, но эти стратегии были скорее защитными, чем экспансионистскими¹⁶⁷. Оба они писали в атмосфере растущей гордости за достижения и успехи китайской экономической реформы.

Идеи национализма, как в форме патриотизма, так и в освящении уникальности происходящего в Китае, были широко распространены в средствах

¹⁶⁰ 国家主义

¹⁶¹ 新秩序主义

¹⁶² Gu, X., Kelly D. *New Conservatism: Intermediate Ideology of a 'New Elite' // China's Quiet Revolution*, Melbourne: Longman Cheshire. – 1994. – P. 231.

¹⁶³ Van Dongen, E. *Realistic Revolution: Contesting Chinese History, Culture, and Politics after 1989*. – Cambridge University Press, 2019. – P. 37.

¹⁶⁴ McCormick, B., Kelly D. *The limits of anti-liberalism // The Journal of Asian Studies*. – 1994. – P. 821.

¹⁶⁵ 战略与管理

¹⁶⁶ Ван Сяодун. Миньцзу чжуи хэ Чжунго дэ вэйлай. (王小东. 民族主义和中国的未来. Китайский национализм и будущее Китая) // Тянья, 2000. – № 2. – С. 39.

¹⁶⁷ Hong, S. *From nationalism to cosmopolitanism // Chinese Law & Government*. – 1997. – Vol. 30. – №. 6. – P. 39.

массовой информации того времени. После смерти Ху Яобана и снятия с поста Чжао Цзяна в 1989 году «умеренные консерваторы», такие как Цзян Цзэминь и Ли Пэн, и сторонники жесткой линии, такие как Гао Ди (в то время редактор журнала «Жэньминь жибао») и Дэн Лицюнь, пришли к власти, начали кампании пропаганды патриотизма, политической стабильности и «национальных особенностей»¹⁶⁸, смещая фокус с обсуждения демократии и прав человека¹⁶⁹.

Тем не менее, дискуссии о демократии продолжались – правда, стали куда менее оживленными. Более молодые представители интеллигенции начали расходиться во взглядах со старшими. Те, кому в то время было 35 лет и старше, как правило, придерживались демократических взглядов, а более молодые поддерживали новый авторитаризм¹⁷⁰. Первые считали, что Китаю нужна большая степень демократизации, что необходимо расширять реформы, направленные на борьбу с коррупцией. Неоавторитаристы же полагали, что, учитывая низкий уровень экономического развития и образования, Китай должен сосредоточиться на проведении рыночных реформ и что экономическое развитие и рост среднего класса в конечном итоге приведут к политическим изменениям. Однако в этих дискуссиях принимали участие лишь небольшое число представителей интеллигенции, разрыв между ними и основной частью населения был довольно существенный. Большинство обычных жителей Китая не разделяли переживаний интеллигенции по этому поводу. Если интеллигенция и попробовала бы агитировать за демократические перемены, народ просто не стал бы ее слушать¹⁷¹.

В отличие от западных идей, свобода личности в «новой», пост-тяньаньмэньской концепции демократии воспринималась не как пространство для интеллектуального развития, а как возможность осуществлять деятельность

¹⁶⁸ 国情

¹⁶⁹ Van Dongen, E. *Realistic Revolution: Contesting Chinese History, Culture, and Politics after 1989*. – Cambridge University Press, 2019. – P. 46.

¹⁷⁰ Guo, X. *State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development*. – London: Routledge, 2003. – P. 125.

¹⁷¹ Guo, X. *State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development*. – London: Routledge, 2003. – P. 160.

в экономической сфере, которая становилась все более свободной от вмешательства государства. Равенство, за которое выступал ряд китайских ученых, в значительной степени значило применение равных правил ко всем участникам рынка, а не равноправие богатых и бедных. Концепция демократии также была больше сосредоточена на социальной и экономической свободе, чем на свободе политической; акцент делался на необходимости развития социально-экономической и культурной инфраструктуры, гражданского общества, а не на немедленной демократизации и трансформации политической власти. Экономическая свобода рассматривалась как важное условие для экономического развития, в то время как демократия оставалась предположительно недостижимым идеалом ¹⁷². Принимая текущую политическую реальность, интеллигенция переориентировалась с требований демократизации на построение гражданского общества.

2.4. Улучшение материального положения

После политических потрясений 1980-х годов в 90-е Китай вступил в длительный период стабильности: результат, который удивил многих наблюдателей, особенно диссидентов, бежавших из Китая после событий 1989 года. Помимо волны студенческих демонстраций, вызванных бомбежкой НАТО китайского посольства в Югославии, фактически никаких массовых протестных выступлений в Китае не было.

Важным фактором, оказавшим влияние на политическую стабильность в Китае, стали большие перемены в благосостоянии интеллигенции после 1989 года. В начале 1990-х годов Китай пережил резкий рост экономических показателей. Экономический бум заставил китайскую интеллигенцию изменить свою позицию по многим вопросам. В 1980-х годах ее представители считали коммунистические идеи одним из основных факторов неудач реформ и

¹⁷² Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – P. 121.

«торможения» общества в целом, а идеи для альтернативного пути развития черпали в западных концепциях демократии и рыночной экономики. По этой причине столь частыми были дебаты об идеологической основе режима и поисках альтернативного пути развития, в ходе которых обсуждались абстрактные вопросы вроде угасания «цивилизации Желтой реки». В начале 1990-х интеллигенция стала более коммерчески мотивирована¹⁷³. Как правило, она не была более заинтересована в том, чтобы напрямую бросать вызов режиму, а сосредоточилась на действиях, которые способствовали усилению плюрализма в обществе, развитию новых идеи и концепций, избегая, однако, ряда «чувствительных» политических тем.

Изменения в менталитете и последующая трансформация общественных структур способствовали экономическим улучшениям. В течение 1980-х годов большинство представителей интеллигенции и студентов не до конца понимали, как работает рыночная экономика, и стояли в стороне от коммерческой деятельности. Они были уверены, что реформы 1980-х годов принесут им обширные финансовые выгоды. Поэтому, когда они увидели, что в стране начинается экономический кризис, их вера в правительство пошатнулась еще больше.

Однако по мере продолжения реформ в 1990-х студенты и интеллигенция, с изумлением и некоторым недовольством наблюдая за тем, как обычные люди становились богаче изо дня в день, стали углубляться в изучение рыночной экономики¹⁷⁴. В начале 1990-х годов, особенно в 1992–93 годах, все больше представителей интеллигенции отходили от традиционного менталитета и все более вовлекались в коммерческую деятельность, находили высокооплачиваемую работу в частном секторе или иностранных компаниях. До этого малое количество представителей интеллигенции занималось независимой

¹⁷³ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 337.

¹⁷⁴ Goldman, M. *The paradox of China's post-Mao reforms*. – Cambridge: Harvard University Press, 1999. – P. 16.

экономической деятельностью¹⁷⁵. Так, в 1988 году, во время начала коммерческого подъема, только небольшое число студентов решило заняться бизнесом на территории кампуса, но их действия часто встречали преграды со стороны преподавателей, их часто обсуждали и презирали остальные студенты¹⁷⁶.

В течение 1980-х годов рыночная экономика Китая все еще находилась на ранней стадии развития. Существовало очень мало крупных, высокотехнологичных совместных предприятий и иностранных фирм¹⁷⁷. Для образованного класса возможности применить свои знания были очень ограничены. В 1990-х годах, напротив, возникло много средних и крупных коллективных и частных предприятий. Количество больших иностранных предприятий на территории КНР тоже увеличивалось. «Белые воротнички» с высоким доходом стали обычным явлением в крупных городах. Экономический бум после начала 90-х принес богатство огромному числу представителей интеллигенции и обычных людей. Стали увеличиваться инвестиции в культуру, образование, науку и здравоохранение¹⁷⁸. По мере обогащения населения, китайское общество начало вкладывать все больше и больше денег в образование и потребление различных культурных продуктов. Литература тоже становилась более коммерческой вследствие, во-первых, желания самих авторов увеличить свои доходы, во-вторых, роста благосостояния населения, повышения спроса на книги и возможностей их покупать¹⁷⁹. Будучи бенефициаром этих реформ, интеллигенция стала более оптимистично настроена по отношению к ситуации в стране¹⁸⁰. Более того, с появлением все большего числа частных предприятий

¹⁷⁵ Сюй Цзюй. Дандай Чжунго цзыю цзэ чжиши фэньцы цзици чжэнчжи цаньюй яньцзю (徐军. 当代中国自由择业知识分子及其政治参与研究. Исследование современной интеллигенции либеральных профессий и ее участия в политической жизни) // Ухань Дасюэ, 2014. – С. 112.

¹⁷⁶ Zhao, D. China's Prolonged Stability and Political Future: Same political system, different policies and methods // *Journal of Contemporary China*, 2001. – Vol. 10. – № 28. – P. 429.

¹⁷⁷ Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – P. 85.

¹⁷⁸ См. график 1.

¹⁷⁹ Чжоу Хунли. Чжиши фэньцы цзиншэнь шэнтай юй саньвэнь вэньти любянь [1976–2010] (周红莉. 知识分子精神生态与散文文体流变 [1976–2010]. Изменение системы ценностей интеллигенции и жанров прозаических произведений в период 1976–2010 годов) // Сучжоу Дасюэ, 2015. – С. 187.

¹⁸⁰ Guo, X. *State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development*. – London: Routledge, 2003. – P. 128.

и компаний, которые контролировались и принадлежали образованным представителям интеллигенции, в их руки начали попадать огромные суммы денег через пожертвования, спонсорство и фонды¹⁸¹.

Таким образом, если в 1980-е интеллигенция считала себя экономически угнетенной группой, то в 1990-х ее положение радикально изменилось в лучшую сторону; по мере улучшения материального положения ее стремление поддержать свой статус становилось сильнее, чем желание бросать непосредственный вызов государству. То, что демократическое развитие, процветание и успех Китая зависят от партийного руководства, стало доминирующей точкой зрения китайской интеллигенции. Успешные меры, которые предпринимала партия по стабилизации экономики и политики, заставили многих представителей интеллигенции, юных и пожилых, прийти к выводу, что Китаю нужен авторитарный режим для быстрого и стабильного развития¹⁸². Большинство с оптимизмом смотрели в будущее Китая, особенно в будущее экономическое. Они предвидели процветание страны, высокие темпы экономического роста, и основная заслуга в этом принадлежала партии.

¹⁸¹ Ли Цян. Наоти даогуа юй вого цзинци шичан фачжань дэ лянгэ цзедуань (李强. 脑体倒挂与我国市场经济发展的两个阶段. Преобладание оплаты физического труда над умственным и два этапа развития рыночной экономики) // Шэхуэйсюэ яньцзю, 1996. – № 6. – С. 12.

¹⁸² Zheng, Y. Development and democracy: are they compatible in China? // Political Science Quarterly. – 1994. – Vol. 109., № 2. – P. 236.

Глава 3. 2002 – 2012

3.1. Прогнозы западной интеллигенции о Китае в XXI веке

В 1996 году Генри Роуэн, старший научный сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира в университете Стэнфорда, в эссе «The Short March: China's Road to Democracy» сделал прогноз, что к 2015 году Китай станет демократическим государством. Роуэн отметил, что экономический рост способствовал положительным демократическим изменениям, и предсказал дальнейшее развитие этих тенденций (расширение свобод в средствах массовой информации, верховенство закона и др.), которые подготовят почву для того, чтобы Китай пошел по стопам демократически ориентированных стран региона¹⁸³. Тенденции к демократизации он видел также в расширении сети всевозможных интеллектуальных организаций¹⁸⁴. Его прогноз, что к 2015 году ВВП Китая на душу населения будет составлять от 7000 до 8000 долларов¹⁸⁵, оказался верным¹⁸⁶. Он советовал Вашингтону не позволять политике вставать на пути развития экономических отношений США и Китая, способствовать вступлению Китая во Всемирную торговую организацию и содействовать широкому партнерству между странами¹⁸⁷.

Брюс Гилли, профессор политологии в Государственном университете Портленда, считал, что в конечном итоге процессы глобализации и экономического развития принесут в Китай демократию, что новые общественные течения принесут конец КПК¹⁸⁸.

Даниэль Дрезнер, профессор международных отношений в университете Тафтса, наоборот, говорил о том, что демократических изменений в ближайшее

¹⁸³ Rowen, H. The short march: China's road to democracy // The National Interest. – 1996. – № 45. – p. 65.

¹⁸⁴ Rowen, H. When will the Chinese people be free? // Journal of Democracy. – 2007. – Vol. 18. – № 3. – С. 43.

¹⁸⁵ Rowen, H. The short march: China's road to democracy // The National Interest. – 1996. – № 45. – С. 68.

¹⁸⁶ Китай – ВВП на душу населения / Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Китай/ВВП-на-душу-населения> (дата обращения: 27.02.21)

¹⁸⁷ Rowen, H. The short march: China's road to democracy // The National Interest. – 1996. – № 45. – С. 69.

¹⁸⁸ Gilley, B. China's democratic future: How it will happen and where it will lead. – Columbia University Press, 2004. – P. 20.

время не произойдет, указывая на блокирование доступа к Google и другим иностранным веб-сайтам¹⁸⁹.

Другие аналитики оценивали будущее Китая еще менее оптимистично. Гордон Чжан, например, предсказывал крах китайской системы¹⁹⁰. Своего мнения он не изменил и в 2011 году, говоря, что Китай непременно распадется уже в 2012¹⁹¹.

По мнению Миньсинь Пэя, китайско-американского политолога, быстрое экономическое развитие страны заведет ее в тупик, приведет к системе, которую он назвал «автократией», «клептократией» и «децентрализованным хищническим государством». Это система, в которой представители власти вступают в сговор и занимаются коррупцией с целью собственного обогащения, а также сотрудничают с преступными группировками. Миньсинь Пэй утверждал, что эти тенденции в конечном итоге приведут к краху режима¹⁹². Если не будет предпринято серьезных реформ в политической системе, Китай столкнется с кризисом, которому будет под силу разрушить режим, превратив страну во «вторую Индонезию»¹⁹³.

Однако существовали и другие мнения. Альберт Кейдель, заместитель министра Бюро по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона США, в 2005 году сделал прогноз, что китайская экономика обгонит американскую к 2050 году. Мировому же сообществу стоит сконцентрироваться на том, чтобы вместе с Китаем создать гибкую международную экономическую систему, чтобы Китай мог расти, тем самым принося потенциальную выгоду другим государствам¹⁹⁴.

¹⁸⁹ Drezner, D. Networks VS. Governments. / D. Drezner. – Foreign Policy, 2002. [El. resource]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2002/09/12/networks-vs-governments-china-has/> (дата обращения: 09.03.21)

¹⁹⁰ Chang, G. The Coming Collapse of China. – New York, Random House, 2001. – P. 27.

¹⁹¹ Chang, G. The Coming Collapse of China: 2012 Edition. / G. Chang. – Foreign Policy, 2011. [El. resource]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2011/12/29/the-coming-collapse-of-china-2012-edition/>

¹⁹² Minxin, P. China's trapped transition // China Review International. – 2006. – Vol. 13., № 2. – P. 493.

¹⁹³ Minxin Pei. Will China Become Another Indonesia? / Minxin Pei. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/07/01/will-china-become-another-indonesia-pub-62> (дата обращения: 19.02.21)

¹⁹⁴ Keidel, A. China's Growing Pains Shouldn't Hurt Us. / A. Keidel. – Carnegie Endowment for International Peace, 2005. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/2005/07/24/china-s-growing-pains-shouldn-t-hurt-us-pub-17259> (дата обращения: 05.03.21)

Роберт Каган, американский журналист и политолог, старший научный сотрудник Брукингского института, полагал, что в начале нового века главного врага и препятствие на пути осуществления политических амбиций (взять под контроль Тайвань или стать доминирующей державой в Восточной Азии) Китай видит в США¹⁹⁵. Он являлся сторонником жесткого подхода к Китаю, выступал за политику ограничения китайского развития¹⁹⁶. Он полагал, что китайцы, которых считали несведущими в американской политике и культуре, за годы показали себя искусными манипуляторами¹⁹⁷.

Таким образом, в начале XXI века прогнозы иностранной интеллигенции о будущем развитии Китая были совершенно разными – от полного распада системы до быстрого обгона США по экономическим показателям. В самом Китае, однако, мнение населения было куда более единым. Различные опросы общественного мнения показали, что большинство китайцев поддерживали существующую систему. В опросе Чикагского Совета по международным отношениям в 2006 году 78 % респондентов одобрили методы КПК в управлении экономической и политической системами. Экономический рост и наращивание военного потенциала подавляющее большинство респондентов (91 % и 90 % соответственно) тоже отметили как сугубо положительное явление¹⁹⁸. Некоторые представители китайской интеллигенции утверждали, что Китай преуспешит в законотворчестве и либерализации экономики, однако, без компонента демократизации¹⁹⁹. Другие предполагали, что по мере роста влияния

¹⁹⁵ Kagan, R. Peace Through Strength. / R. Kagan. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/08/16/peace-through-strength-pub-241> (дата обращения: 17.02.21)

¹⁹⁶ Kagan, R. China's No.1 Enemy. / R. Kagan. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/05/11/china-s-no.1-enemy-pub-270> (дата обращения: 17.02.21)

¹⁹⁷ Kagan, R. How Not to Deal With China: A History of Sino-American Relations Since 1972. / R. Kagan. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/02/15/how-not-to-deal-with-china-history-of-sino-american-relations-since-1972-pub-257> (дата обращения: 17.02.21)

¹⁹⁸ The United States and the Rise of China and India: Results of a 2006 Multination Survey of Public Opinion / Chicago Council on Global Affairs, 2006. – 85 p. [El. resource]. – URL: <https://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/2020-11/2006-Chicago-Council-Survey-PDF-Report.pdf> (дата обращения: 15.04.21)

¹⁹⁹ Pan, W. Toward a consultative rule of law regime in China // Journal of Contemporary China. – 2003. – Vol. 12. – №. 34. – P. 32.

Китая КПК, идя по пути авторитаризма, может «вдохновить» другие азиатские страны попытаться использовать схожую модель²⁰⁰.

3.2. Концепция «Гармоничного общества»

В то время как такие идеи Дэн Сяопина, как «скрывать способности и ждать своего часа»²⁰¹ и «не стремиться к лидерству»²⁰², указывали на пассивную роль Китая на мировой арене, Цзян Цзэминь медленно отходил от этих тезисов, говоря, что Китай должен «идти в ногу с миром»²⁰³, излагая идеи «развития мощи Китая»²⁰⁴ и построения «нового международного порядка». Ху Цзиньтао продолжил перестраивать подход к внутренним и международным реалиям Китая²⁰⁵.

В 2000-х годах цели государства выражались в первую очередь через партийные лозунги, например, «Три представительства», «Гармоничное общество» и «Научное развитие», но теперь они представляли интересы всего народа, а не интересы партии, как было ранее²⁰⁶.

«Гармоничное общество»²⁰⁷ – это концепция, предложенная Ху Цзиньтао в качестве ориентира социально-экономического развития страны. После занятия должности генерального секретаря ЦК КПК в 2002 году Ху Цзиньтао представил еще одну, связанную с первой, концепцию – «научное развитие»^{208, 209}. Обе идеи были включены в 11-й пятилетний план правительства Китая (2006 – 2010 годы) и Устав Коммунистической партии Китая в 2005 и 2007 годах.

²⁰⁰ Lynch, D. *Rising China and Asian democratization: socialization to “global culture” in the political transformations of Thailand, China, and Taiwan.* – Stanford University Press, 2006. – P. 126.

²⁰¹ 韬光养晦 – таогуан янхуэй

²⁰² 不当头 – бу дан тоу

²⁰³ 与世界接轨 – юй шицзе цзегуй

²⁰⁴ 发展综合国力 – фачжань цзунхэ гуоли

²⁰⁵ Zheng, Y., Tok S. K. *Harmonious society and harmonious world: China’s policy discourse under Hu Jintao* // Briefing Series. – 2007. – Vol. 26. – P. 4.

²⁰⁶ Thornton, P. Wang Hui, *The End of the Revolution: China and the Limits of Modernity* // East Asia. – 2011. – Vol. 28. – №. 1. – P. 25.

²⁰⁷ 和谐社会 – хэсе шэхуэй

²⁰⁸ 科学发展观 – кэсюэ фачжаньгуань

²⁰⁹ Chan, Kinman. *Harmonious society* // International encyclopedia of civil society. – Berlin: Springer Science & Business Media, 2009. – P. 821.

По словам Ху Цзиньтао, гармоничное общество – это «демократическое общество, которое управляется законом, справедливое, доверительное и стабильное, то, которое поддерживает гармонию между человеком и природой, то, где развита наука и образование»²¹⁰. Положения концепции отражают разные сферы, включая политику в отношении развития сельских районов, региональное развитие, занятость населения, образование, медицину, общественное здравоохранение, защиту окружающей среды, правовую систему, налогообложение, социальную политику, систему безопасности и культурную сферу²¹¹.

Эта политика разрабатывалась в качестве ответа на социальные вопросы, возникшие в связи с экономическим развитием и погружением Китая в процесс глобализации, – то есть на последствия политики 80-х – 90-х годов²¹². В то время высокие темпы экономического развития были выдвинуты на передний план – и к концу 1990-х заговорили о китайском «экономическом чуде»²¹³, однако социальные последствия этого все еще предстояло осмыслить. Партийные лидеры признали существование ряда проблем, и администрация Ху Цзиньтао выражала готовность эти проблемы решить²¹⁴.

В 2002 году Китай стал шестой по величине экономикой мира. Экономические показатели продолжали расти после двух десятилетий непрерывного подъема, а ВВП впервые превысил отметку в 10 трлн юаней²¹⁵.

²¹⁰胡锦涛关于构建社会主义和谐社会讲话全文。在省部级主要领导干部提高构建社会主义和谐社会能力。专题研讨班上的讲话。[Ху Цзиньтао гуаньюй гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй цзянхуа цюаньвэнь. Цзай шэн бу цзи чжуйао линдао ганьбу тигао гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй нэнли. Чжуаньти яньтао бань шан дэ цзянхуа] (Полный текст речи Ху Цзиньтао о построении социалистического гармоничного общества. Руководящим кадрам на провинциальном и министерском уровнях необходимо развивать возможности построения социалистического гармоничного общества. Выступление на семинаре) 2005. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-06/27/content_9700.htm (дата обращения: 22.02.21)

²¹¹中共中央关于构建社会主义和谐社会若干重大问题的决定 [Чжунгун Чжуньян гуаньюй гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй жогань чжунда вэньти дэ цзюэдин] (Решение Центрального Комитета Коммунистической партии Китая по ряду важнейших вопросов построения социалистического гармоничного общества) 2006. URL: <http://cpc.people.com.cn/BIG5/64162/64168/64569/72347/6347991.html> (дата обращения: 27.02.21)

²¹² Chan, Kinman. *Harmonious society* // *International encyclopedia of civil society*. – Berlin: Springer Science & Business Media, 2009. – p. 821-825.

²¹³ Zheng, Y., Tok S. K. *Harmonious society and harmonious world: China's policy discourse under Hu Jintao* // *Briefing Series*. – 2007. – Vol. 26. – P. 5.

²¹⁴ Delury, J. "Harmonious" in China // *Policy Review*. – 2008. – №. 148. – С. 35.

²¹⁵ Wong, J. *China's Economy in 2002 and Outlook for 2003* // *China's Politics And Economy In 2003: Meeting the Post-Congress Challenges*. – 2003. – P. 49.

Ху Цзиньтао «унаследовал» общество со все более увеличивающимся региональным неравенством, безработицей, структурной нищетой и обостряющимися экологическими проблемами. На внешнеполитическом поле Китай столкнулся с новыми факторами – от международного терроризма и сепаратистских движений до необходимости сдерживать растущий уровень спекуляции и контрабанды²¹⁶.

Именно острая потребность в переосмыслении политики подтолкнула Ху Цзиньтао к идее «гармоничного общества и мира». Стремление самостоятельно определять свой вектор развития подвигло правительство играть более активную роль как внутри Китая, так и за его пределами. Концепции «научного развития» и «гармоничного общества» как раз и давали возможность китайцам ставить новые цели для дальнейшего успешного развития страны.

Концепция «гармоничного мира», впервые озвученная в сентябре 2005 года в ходе выступления Ху Цзиньтао на собрании по случаю 60-ой годовщины образования ООН²¹⁷, представляется в китайской идеологии как одно из выдающихся теоретических достижений «четвертого поколения» руководителей КНР. Смысл термина «гармоничный мир» состоял в переходе Китая на новый этап развития, создании нового менталитета и разработке новой политики; Китай «выходит в мир»²¹⁸ как активный игрок на мировой политической арене²¹⁹. Китайские цели – многополярность, взаимовыгодное сотрудничество, мирное сосуществование, уважение к особому пути каждой страны²²⁰. Руководство

²¹⁶ Zheng, Y., Tok S. K. Harmonious society and harmonious world: China's policy discourse under Hu Jintao // Briefing Series. – 2007. – Vol. 26. – P. 2.

²¹⁷胡锦涛关于构建社会主义和谐社会讲话全文。在省部级主要领导干部提高构建社会主义和谐社会能力。专题研讨班上的讲话。[Ху Цзиньтао гуаньюй гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй цзянхуа цюаньвэнь. Цай шэн бу цзи чжюяо линдао ганьбу тигао гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй нэнли. Чжуаньти яньтао бань шан дэ цзянхуа] (Полный текст речи Ху Цзиньтао о построении социалистического гармоничного общества. Руководящим кадрам на провинциальном и министерском уровнях необходимо развивать возможности построения социалистического гармоничного общества. Выступление на семинаре) 2005. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-06/27/content_9700.htm (дата обращения: 22.02.21)

²¹⁸ 走出去

²¹⁹ Zheng, Y., Tok S. K. Harmonious society and harmonious world: China's policy discourse under Hu Jintao // Briefing Series. – 2007. – Vol. 26. – P. 2.

²²⁰胡锦涛在联合国成立 60 周年首脑会议上的讲话。[Ху Цзиньтао цай Ляньхэго чэнли 60 чжоу нянь шоунао хуэйи шан дэ цзянхуа] (Выступление Ху Цзиньтао на саммите в честь 60-летия основания ООН) 2005. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-09/16/content_63871.htm (дата обращения: 22.02.21)

понимало, что для плодотворного внутреннего развития нужна спокойная международная обстановка. На этом фоне увеличились расходы на оборону, которые поднялись в марте 2007 года на 17,8%. Никогда прежде оборонный бюджет Китая в расчете на душу населения не был так велик²²¹.

Дискурс о гармоничном мире и обществе служил трем целям. Во-первых, он предоставил платформу для формулирования политики Ху Цзиньтао. Во-вторых, «гармоничное общество» превратилось в «основной» предмет дискуссий в среде интеллигенции, занимая умы и эффективно предотвращая размышления об альтернативном пути развития. В-третьих, это продолжило политику предшественников по построению сильного Китая²²².

Так «гармоничное общество» и «гармоничный мир» стали средством укрепления власти КПК в Китае. Политики, партийные кадры и интеллигенция различных политических убеждений активно участвовали в дебатах на тему толкования и достижения этих целей²²³.

В целом можно выделить два больших лагеря участвовавших в дискуссиях людей. В левой части политического спектра Китая некоторые представители интеллигенции (например, Гун Сяньтянь, профессор экономики Пекинского университета) и некоторые ушедшие на пенсию чиновники представляли интересы традиционного рабочего класса и крестьянства. Группы левой интеллигенции, в основном ученые из элитарных университетов (Цуй Чжюань, Университет Цинхуа, Ван Хуэй, Университет Цинхуа, Ван Шаогуан, Китайский университет Гонконга и т. д.), которых обычно называют «новыми левыми», были больше озабочены проблемами перераспределения доходов, устойчивого развития, образования. Однако и «старых», и «новых» левых объединяло то, что

²²¹ Geis J. P., Holt B. "Harmonious Society" Rise of the New China // Strategic Studies Quarterly. – 2009. – Vol. 3. – №. 4. – P. 82.

²²² Zheng, Y., Tok S. K. Harmonious society and harmonious world: China's policy discourse under Hu Jintao // Briefing Series. – 2007. – Vol. 26. – P. 10.

²²³ Zheng, Y., Tok S. K. Harmonious society and harmonious world: China's policy discourse under Hu Jintao // Briefing Series. – 2007. – Vol. 26. – P. 10.

они, как правило, критически относились к глобализационной политике «гармоничного мира».

Другая группа представителей интеллигенции больше поддерживала «гармоничный мир», чем «гармоничное общество», из-за своего правого, проглобалистского взгляда. Среди заметных фигур – Юй Кэпин (заместитель начальника Центрального бюро переводов при ЦК КПК ²²⁴), Чжоу Жуйцзинь (бывший главный редактор Жэньминь жибао), Лю Цзи (бывший вице-президент Академии общественных наук КНР) и Се Тао (бывший вице-президент Народного университета Китая), то есть известные либералы, имеющие прочную связь с развитыми регионами Китая – и, следовательно, с недавно возникшим в Китае классом предпринимателей и растущим городским населением. Эти представители интеллигенции выступают за сильное государство, основанное на идеологии демократического социализма, выступают за более широкое участие интеллигенции в общественной жизни²²⁵.

Тем не менее, интеллигенция более не настроена подрывать основы социалистического строя, а предпочитает выступать за важные, но менее масштабные преобразования в области экономики, экологии и общества.

3.3. Интеллигенция и Интернет

Впервые Китай получил доступ в Интернет в 1993 году. В 1996 году Интернет уже был доступен для более широкой публики²²⁶.

Первоначально правительство Китая рассматривало Интернет как источник возможностей для преодоления отставания от Запада. Считая Интернет широкой платформой для государственной пропаганды, КПК постепенно осознавала и «разрушающий» его потенциал²²⁷. Уже в 2001 году Цзян Цзэминь

²²⁴ 中共中央编译局

²²⁵ Zheng, Y., Tok S. K. Harmonious society and harmonious world: China's policy discourse under Hu Jintao // Briefing Series. – 2007. – Vol. 26. – P. 12.

²²⁶ Veg, S. Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals. – Columbia University Press, 2019. – P. 414.

²²⁷ Veg, S. Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals. – Columbia University Press, 2019. – P. 415.

заявил, что Интернет – это «поле политической, идеологической и культурной борьбы»²²⁸.

Интернет стремительно распространялся в Китае. В 2003 году в Китае Интернетом пользовались 69 миллионов человек²²⁹. В начале 2005 года насчитывалось около 1 миллиона читателей блогов; к концу года это число увеличилось в 4 раза²³⁰. К январю 2017 года количество пользователей китайского Интернета уже составляло более 731 млн (53% населения)²³¹.

В начале нулевых ответственность по регулированию Интернета была возложена на уже существующие структуры. Ответственность за техническое регулирование интернет-провайдеров сначала была возложена на органы связи, за общее наблюдение отвечало Министерство общественной безопасности (деятельность наподобие надзора над линиями телефонной связи), а контент-провайдеры координировались Департаментом пропаганды КПК.

Министерство общественной безопасности КНР выпустило подробные правила для провайдеров и в 1998 году запустило проект «Золотой щит»²³² для мониторинга китайского Интернета²³³. В начале нулевых также началась фильтрация контента по определенным словам.²³⁴

При Ху Цзиньтао правительство работало над вопросом о «суверенитете в киберпространстве», объясняя регулирование Интернета необходимостью «здоровой и организованной» онлайн-среды²³⁵. IV пленум ЦК КПК 16-го созыва в сентябре 2004 г. установил еще более жесткие правила и ввел активную слежку через систему «обозревателей сети»²³⁶.

Правительство дало указание компаниям, занимающимся Интернетом, создать систему «самодисциплины» для цензуры нежелательного контента

²²⁸ Osnos, E. *Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China*. – Macmillan, 2014. – P. 52.

²²⁹ Osnos, E. *Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China*. – Macmillan, 2014. – P. 61.

²³⁰ Osnos, E. *Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China*. – Macmillan, 2014. – P. 52.

²³¹ Veg, S. *Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals*. – Columbia University Press, 2019. – P. 48.

²³² 金盾工程

²³³ Veg, S. *Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals*. – Columbia University Press, 2019. – P. 416.

²³⁴ Yang, G. *The power of the Internet in China: Citizen activism online*. – Columbia University Press, 2009. – P. 51.

²³⁵ Veg, S. *Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals*. – Columbia University Press, 2019. – P. 416.

²³⁶ 网络评论评论员 – люди, которые занимались мониторингом Интернета на предмет необдуманных высказываний о делах партии и правительстве.

онлайн, а также подавать отчеты на тему того, как люди используют Сеть. Так шаг за шагом выстраивалось то, что сейчас известно многим под названием «Великий Китайский фаерволл» – огромная цифровая баррикада, которая не позволяет китайским пользователям читать газетные статьи с критикой руководителей, отчеты правозащитных групп, а также закрыла доступ к западным социальным сетям, например, Twitter и Facebook²³⁷.

На первые годы Ху Цзиньтао у власти пришелся расцвет интернет-блогов. Чжай Минлэй, журналист «Наньфан чжоумо»²³⁸, называл этот феномен «новой эрой народного дискурса»²³⁹. В июне 2009 года в китайском интернете было уже 338 миллионов пользователей и 181 миллион блогов²⁴⁰. Среди блогеров с большим количеством подписчиков было много представителей интеллигенции – профессора университетов, журналисты, ученые²⁴¹.

Чжай Минлэй выделяет семнадцать «смелых» блогеров, которых он делит на «индивидуальных критиков» – тех, кто пользовались блогом как одной из многих площадок для самовыражения (Ай Вэйвэй, Хань Хань, Сюй Чжиюн, Жань Юньфэй, Чан Пин) и «платформенных авторов» – тех, чья деятельность в основном базировалась в Интернет-пространстве²⁴².

Ряд блогеров стали известными в связи с громкими происшествиями, например, Лянь Юэ²⁴³, которая освещала в своем блоге экологические протесты в Сямэне в 2007 году, Цзэн Цзиньянь²⁴⁴, которая вела онлайн-дневники во время

²³⁷ Osnos, E. *Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China*. – Macmillan, 2014. – P. 52.

²³⁸ 南方周末

²³⁹ Чжай Минлэй. Чжунго мэнбо: синь мэйти шидай дэ миньцзянь хуаюй лилян(翟明磊. 中国猛博: 新媒体时代的民间话语力量. Смелые китайские блоги: сила народного дискурса во времена новых медиа) // Тяньдитушу Юсянь гунсы, 2009. – С. 176.

²⁴⁰ Veg, S. *Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals*. – Columbia University Press, 2019. – P. 419.

²⁴¹ Чжай Минлэй. Чжунго мэнбо: синь мэйти шидай дэ миньцзянь хуаюй лилян(翟明磊. 中国猛博: 新媒体时代的民间话语力量. Смелые китайские блоги: сила народного дискурса во времена новых медиа) // Тяньдитушу Юсянь гунсы, 2009. – С. 5.

²⁴² Чжай Минлэй. Чжунго мэнбо: синь мэйти шидай дэ миньцзянь хуаюй лилян(翟明磊. 中国猛博: 新媒体时代的民间话语力量. Смелые китайские блоги: сила народного дискурса во времена новых медиа) // Тяньдитушу Юсянь гунсы, 2009. – С. 182.

²⁴³ 連岳

²⁴⁴ 曾金燕

домашнего ареста вместе с мужем Ху Цзя²⁴⁵, Цзола²⁴⁶, писавший о скандале, связанном со сносом домов в Чунцине в 2007²⁴⁷. Интеллигенция становилась все более неоднородной.

Во второй срок руководства Ху Цзиньтао регулирование китайского Интернета становилось все более жестким. Развивались микроблоги – *вэй бокэ*, или сокращенно *вэйбо*²⁴⁸. Twitter стал доступен в 2006 году, а его китайский аналог *Фаньфоу*²⁴⁹ – в 2007 году. Однако последний был заблокирован после протестов в Урумчи в 2009 году одновременно с Facebook, Twitter и рядом других блогов и веб-сайтов. Так, например, блог известного представителя интеллигенции художника Ай Вэйвэя, который пользовался широкой популярностью с 2006 года, был тоже закрыт²⁵⁰. В качестве альтернативы заблокированным сайтам в августе 2009 года был запущен Sina Weibo²⁵¹, который стал одним из самых успешных поставщиков услуг микроблогов.

С развитием Интернета правительство прилагало все больше усилий, чтобы контролировать информацию, доступную в Сети, внедряя различные программы ограничений и цензуры. Те, кто настойчиво пытался эти запреты обойти, сталкивались с проблемами и привлекали к себе пристальное внимание партии. Так, в 2004 году журналист «Дандай шибао»²⁵² по имени Ши Тао²⁵³ посетил собрание сотрудников, где редактор донес до собравшихся инструкции КПК о том, на какие темы нельзя писать в годовщину протестов на площади Тяньаньмэнь. В тот же вечер Ши Тао зашел в свой э-мейл аккаунт Yahoo! и отправил краткое содержание партийного документа редактору американского демократического форума. Через два дня Министерство государственной безопасности КНР обязало Yahoo! China предоставить данные о владельце почты.

²⁴⁵ 胡佳

²⁴⁶ 佐拉

²⁴⁷ The Chinese 'nail house': a Chongqing saga / Open Democracy. 2007. URL: https://www.opendemocracy.net/en/china_nail_4500jsp/ (дата обращения: 16.04.21).

²⁴⁸ 微 博 客

²⁴⁹ 饭 否

²⁵⁰ Veg, S. Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals. – Columbia University Press, 2019. – P. 422.

²⁵¹ 新 浪 微 博

²⁵² 当 代 商 报

²⁵³ 师 涛

Yahoo! подчинились, и 23 ноября 2004 года Ши Тао был арестован за «разглашение государственной тайны», признан виновным и приговорен к десяти годам лишения свободы²⁵⁴.

Международные НПО выступили против такого приговора: Amnesty International признали Ши Тао узником совести и призвали правительство КНР немедленно его освободить²⁵⁵. Исполнительная комиссия Конгресса США по Китаю (The Congressional-Executive Commission on China) объявила его политическим заключенным²⁵⁶. Reporters Without Borders подали петицию с призывом к его освобождению²⁵⁷. Human Rights Watch назвали его «находящимся в заключении правозащитником» и выступили за его освобождение²⁵⁸. Лю Сяобо написал петицию в Yahoo! в защиту Ши Тао²⁵⁹.

В течение последующего года выяснилось, что Yahoo! регулярно сообщало правительству конфиденциальную информацию об интеллигенции и диссидентах. На критику правозащитных групп соучредитель компании Джерри Янг ответил: «Если вы хотите вести бизнес в Китае, вы должны подчиняться»²⁶⁰.

Несмотря на давление общественного мнения и выплату компенсации семье Ши Тао, сам журналист остался в тюрьме. Для жителей Китая послание было четким: Интернет – не место для свободы слова.

3.4. Интеллигенция и «утечка мозгов»

Начиная с конца 70-х годов, лидеры Китая приняли решение отправлять китайских ученых за границу для научных исследований. Цель – наверстать

²⁵⁴ Osnos, E. Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China. – Macmillan, 2014. – P. 53.

²⁵⁵ Yahoo's responsibility towards human rights: free Shi Tao from prison in China! / Amnesty International. 2006. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/ASA17/003/2006/en/> (дата обращения: 17.04.21)

²⁵⁶ Search Results Detail for “Shi Tao” / The Congressional-Executive Commission on China. URL: <https://web.archive.org/web/20121017004708/http://ppd.cecc.gov/QueryResultsDetail.aspx?PrisonerNum=5488> (дата обращения: 16.04.21)

²⁵⁷ Outrage over travesty of justice for journalist Shi Tao / Reporters without Borders. 2005. URL: <https://rsf.org/en/news/outrage-over-travesty-justice-journalist-shi-tao> (дата обращения: 16.04.21)

²⁵⁸ Dispatches: Shi Tao and the Dangers of China's State Secrets Law / Human Rights Watch. 2013. URL: <https://www.hrw.org/news/2013/09/11/dispatches-shi-tao-and-dangers-chinas-state-secrets-law> (дата обращения: 16.04.21)

²⁵⁹ Liu Xiaobo's letter to Yahoo! / Human right Watch. 2005. URL: <https://www.hrw.org/reports/2006/china0806/14.htm> (дата обращения: 16.04.21)

²⁶⁰ Spinello, R. Global capitalism, culture, and ethics. – Routledge, 2014. – P. 135.

упущенные в ходе «культурной революции» возможности академического развития путем обучения нового поколения (или переподготовки старшего поколения) исследователей и учителей²⁶¹. Найти ученых, заинтересованных в поездке за границу, было легко. Убедить их вернуться обратно оказалось труднее. Помимо этого, взаимодействие с другими странами, особенно с теми, что ранее были «закрыты» для китайского мира, также способствовало оттоку специалистов²⁶². В начале процесса «утечки мозгов» правительство, ссылаясь на примеры Тайваня и Южной Кореи, предполагало, что ситуация изменится к лучшему, когда китайская экономика станет сильнее²⁶³.

В первые годы политики реформ и открытости процент тех, кто вернулся на родину после стажировки за рубежом, был довольно высок – в то время посылали в основном состоявшихся ученых с успешной карьерой и семьями в Китае²⁶⁴. Однако к началу 90-х становилось все меньше представителей китайской интеллигенции, кто желал вернуться назад. События на площади Тяньаньмэнь стали для многих причиной остаться за границей. Многие западные страны в ответ на запросы как материковых китайцев, так и граждан китайского происхождения в своих странах позволили китайским студентам и ученым продлить свое пребывание на своих территориях. Более 50 000 представителей образованной интеллигенции получили право на постоянное жительство в США; более 20 000 продлили пребывание в Австралии; более 10 000 человек получили рабочую визу в Канаде²⁶⁵.

²⁶¹ Zweig, D. To return or not to return? Politics vs. economics in China's brain drain // Studies in Comparative International Development. – 1997. – Vol. 32. – №. 1. – С. 93.

²⁶² Agelasto, M., Adamson, B. Higher Education in Post-Mao China. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 1998. – P. 6.

²⁶³ Outward bound / The Economist. 2002. URL: <https://www.economist.com/special-report/2002/09/26/outward-bound> (дата обращения: 02.03.21)

²⁶⁴ Lampton, M., Madancy, A., Williams K. M. A relationship restored: Trends in US-China educational exchanges, 1978-1984. – National Academy Press, 1986. – P. 266.

²⁶⁵ Zweig, D. To return or not to return? Politics vs. economics in China's brain drain // Studies in Comparative International Development. – 1997. – Vol. 32. – №. 1. – С. 92.

С 1978 года по 2009 год из Китая за границу отправились около 1,62 миллиона студентов и ученых; к 2009 году только 497 400 из них вернулись к работе в Китае, а 1,12 миллиона (около 70%) остались за границей²⁶⁶.

К концу 90-х ситуация с эмиграцией интеллигенции почти не улучшилась. Среди причин этого – «политические препятствия», бюрократическая система, ограничения академической свободы, карьерный рост, во многом зависящий от политических взглядов и т. д.²⁶⁷. Говоря, например, о привлекательности Канады для эмиграции в 2000-х годах, представители китайской интеллигенции отмечали «интеллектуально стимулирующую работу», «толерантную культуру» и «профессиональную свободу»²⁶⁸. В Китае же во всех слоях общества и организациях существовали *гуаньси*, которые очень помогали в получении привилегий и ресурсов²⁶⁹.

Более того, в Китае, когда успех реформ был уже осязаем, все более привлекательными казались быстрые достижения и широкая слава. Китайская наука тоже начала смещаться в сторону прикладных исследований в ущерб фундаментальным, а исследовательские проекты, финансируемые государством, в основном были ориентированы на получение скорых результатов и экономической выгоды²⁷⁰. Помимо этого, часто во главу угла ставилось не качество академических работ, а их количество²⁷¹.

Тем не менее, к середине 2000-х отток талантов начинает замедляться и обращаться вспять. Причина этого лежит в быстро развивающемся рынке Китая, а также правительственных стимулах, которые привлекают талантливых китайцев вернуться домой из-за рубежа²⁷².

²⁶⁶ Pan, S. Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies //Frontiers of Education in China. – 2011. – Vol. 6. – №. 1. – С. 127.

²⁶⁷ Simon, D., Cao, C. China's emerging technological edge: assessing the role of high-end talent. – Cambridge University Press, 2009. – P. 250.

²⁶⁸ Lam, W. China's brain drain dilemma: Elite emigration // China Brief. – 2010. – Vol. 10. – №. 16. – С. 4.

²⁶⁹ Simon, D., Cao, C. China's emerging technological edge: assessing the role of high-end talent. – Cambridge University Press, 2009. – P. 242.

²⁷⁰ Academic fraud in China. Replicating success. / The Economist. 2010. URL: https://www.economist.com/blogs/asiaview/2010/07/academic_fraud_china (дата обращения: 02.03.21)

²⁷¹ Simon, D., Cao, C. China's emerging technological edge: assessing the role of high-end talent. – Cambridge University Press, 2009. – P. 244.

²⁷² Fu, M. A cultural analysis of China's scientific brain drain: The case of Chinese immigrant scientists in Canadian academia //Journal of International Migration and Integration. – 2014. – Vol. 15. – №. 2. – С. 198.

Например, в 1990-х Цзян Цзэминь признал, что с возрастающей открытостью Китая удержать интеллигенцию от эмиграции за рубеж попросту невозможно; поэтому надо предпринимать меры по привлечению их назад на родину. После этого были предприняты шаги по увеличению как международной мобильности, так и пропаганды китайского патриотизма и национализма для того, чтобы побудить образованных китайцев использовать свои навыки и умения в Поднебесной²⁷³.

В 1995 году Государственный совет провозгласил курс на «развитие государства через науку и образование»²⁷⁴, согласно которому следовало уделять внимание совершенствованию технологических инноваций для повышения конкурентоспособности национальной экономики²⁷⁵. Признавая ценность представителей интеллигенции с образованием и опытом ведения научной деятельности за рубежом, государство создало для них проект научных зон, где они могли заниматься наукой, создавать и развивать технологические инновации и трудиться на благо Китая, получая щедрое финансирование. Такие научные парки были расположены рядом с престижными национальными университетами, сильными в области науки и технологий (например, Пекинский университет, Цинхуа, Пекинский транспортный университет и др.) для того, чтобы стимулировать сотрудничество состоявшихся ученых и предпринимателей со студенчеством, ускорить разработку новых технологий и исследований²⁷⁶. Количество научных парков увеличилось с примерно 60 в конце 1990-х годов до 115 в 2006 году и более 150 в 2009 году. Количество компаний, расположенных в них, выросло с 5 000 в 2003 году до более чем 8 000 в 2009 году²⁷⁷.

²⁷³ Welch, A., Zhen Z. Higher education and global talent flows: Brain drain, overseas Chinese intellectuals, and diasporic knowledge networks //Higher Education Policy. – 2008. – Vol. 21. – №. 4. – С. 521.

²⁷⁴ 科教兴国

²⁷⁵ Pan, S. Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies //Frontiers of Education in China. – 2011. – Т. 6. – №. 1. – С. 119.

²⁷⁶中华人民共和国教育部. 留学工作 [Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Цзяюй бу. Люсюэ гунцзо] (Министерство Образования КНР. Работа учащихся за рубежом) 2008. URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_390/200411/4560.html (дата обращения: 09.03.21)

²⁷⁷ Pan, S. Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies //Frontiers of Education in China. – 2011. – Vol. 6. – №. 1. – С. 120.

К привлечению выдающихся китайцев назад на родину подключились и корпорации. Например, Alibaba Corp. предлагала вернувшимся студентам зарплату около 100 000 долларов в год – что, по заявлению компании, было больше того, что они предлагали выпускникам китайских вузов²⁷⁸.

Прежняя политика *хуэй го фуу*²⁷⁹ (возвращаясь, служи родине), по которой оставшиеся за рубежом ученые и их семьи попадали под ряд санкций и часто считались предателями страны, в 2001 году была заменена на более гибкую стратегию *вэй го фуу*²⁸⁰ (служить родине), которая признавала вклад в научное развитие тех представителей интеллигенции, которые занимались научной деятельностью за пределами Китая²⁸¹. Более того, ведущие китайские университеты ввели стипендиальные программы для ученых-нерезидентов и тех, кто был связан не только с китайскими университетами²⁸² – *ялин моши*²⁸³. Определенные действия также были предприняты и на региональном уровне: в 2006 году в провинции Цзянсу была запущена программа «530», направленная на привлечение назад в Китай 30 ведущих бизнес-предпринимателей в пятилетний срок²⁸⁴. По всему Китаю университеты, особенно наиболее влиятельные национальные институты, участники проектов 211²⁸⁵ и 985²⁸⁶, чтобы мотивировать представителей интеллигенции переехать обратно в Китай, предлагали стимулы в виде надбавок к заработной плате, доступа к

²⁷⁸ China steps up efforts to reverse 'Brain Drain' / The Economic Times. 2010. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/china-steps-up-efforts-to-reverse-brain-drain/articleshow/6619223.cms?from=mdr> (дата обращения: 02.04.21)

²⁷⁹ 回国服务

²⁸⁰ 为国服务

²⁸¹ Welch, A., Jie H. Returnees and diaspora as source of innovation in Chinese higher education // Frontiers of Education in China. – 2013. – Vol. 8. – № 2. – С. 222.

²⁸² Welch, A., Xu X. Prospect and Limits of China-EU Relations in Higher Education: A Danish Case Study // Frontiers of Education in China. – 2019. – Vol. 14. – № 2. – С. 263.

²⁸³ 哑铃模式

²⁸⁴ Heilmann, S., Shih L., Hofem A. National planning and local technology zones: Experimental governance in China's Torch Programme // The China Quarterly. – 2013. – С. 10.

²⁸⁵ 211 工程. Проект, разработанный Министерством образования КНР в 1995 году, согласно которому было отобрано 112 ключевых ВУЗов для осуществления национальных проектов развития в экономической и социальной сферах.

²⁸⁶ 985 工程. Проект по развитию системы высшего образования в Китае, предложенный Цзян Цзэмином на праздновании 100-й годовщины Пекинского университета 4 мая 1998. Основная цель проекта — при сотрудничестве с местными правительствами вывести на мировой уровень несколько ведущих университетов Китая. В проект входит 39 ВУЗов.

исследовательским фондам, жилью и помощи в обучении детей в школах. Такие методы использовались для привлечения из-за рубежа как китайских ученых, так и ученых из других регионов и стран, в том числе из Тайваня и США.²⁸⁷ Таких программ было довольно много²⁸⁸, например, в 2008 году китайское правительство запустило план «тысячи талантов»²⁸⁹ для привлечения в течение 5–10 лет 2000 экспертов в области научных исследований, инноваций и предпринимательства²⁹⁰.

Такая политика давала свои плоды. Так, множество поставщиков услуг и интернет-компаний в Китае были основаны китайцами, прошедшими обучение за рубежом. Например, компания Sohu²⁹¹ была создана Чжан Чаояном, вернувшимся в Китай после обучения в Массачусетском технологическом институте. Другой вернувшийся из-за границы студент, Ли Яньхун, построил онлайн-империю, запустив поисковик Baidu.com²⁹².

В конце 2000-х число возвращающихся на родину представителей интеллигенции становилось все больше²⁹³: в 2001 году вернулось менее 10 000 человек, в 2006 – около 42 000, в 2008 – 69 300, в 2010 – 134 800 человек²⁹⁴. Так, несмотря на то что множество представителей интеллигенции предпочитало вести свою деятельность за рубежом, в 2000-х годах, благодаря государственным стратегиям по привлечению талантливых китайцев назад на родину, процент тех, кто предпочел жизнь в Китае, постепенно пошел вверх.

²⁸⁷ Welch, A., Zhen Z. Higher education and global talent flows: Brain drain, overseas Chinese intellectuals, and diasporic knowledge networks // Higher Education Policy. – 2008. – Vol. 21. – № 4. – С. 521.

²⁸⁸ Cao, C. China's brain drain at the high end: why government policies have failed to attract first-rate academics to return // Asian population studies. – 2008. – Vol. 4. – № 3. – С. 334.

²⁸⁹ 海外高层次人才引进计划

²⁹⁰ China steps up efforts to reverse 'Brain Drain'. 2010. 104. China steps up efforts to reverse 'Brain Drain' / The Economic Times. 2010. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/china-steps-up-efforts-to-reverse-brain-drain/articleshow/6619223.cms?from=mdr> (дата обращения: 02.04.21)

²⁹¹ 搜狐. Китайская интернет-компания, предлагает рекламу, поисковую систему, многопользовательские онлайн-игры и многое другое. Официальный интернет спонсор Олимпийских игр 2008 года в Пекине.

²⁹² 百度. Китайская компания, предоставляющая веб-сервисы, основным из которых является поисковая система с таким же названием — лидер среди китайских поисковых систем.

²⁹³ См. график 2

²⁹⁴ 122. 中华人民共和国教育部. 2010年我国出国留学人数和留学回国人数双增长 [Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Цзяоюй бу. 2010 нянь во го чуго люсюэ жэньшун хэ люсюэ хуэйго жэньшун шуан цзэнчжан] (Министерство Образования КНР. В 2010 году увеличилось число обучающихся за границей студентов и число вернувшихся из-за границы студентов) 2011. URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_1485/201103/115528.html (дата обращения: 01.03.21)

Заключение

Китайская интеллектуальная элита, с древнейших времен участвуя в делах правления, всегда играла важную роль в жизни страны. В конце XX века интеллигенция представляла из себя довольно обособленную группу, редко напрямую взаимодействующую с простым народом. Предпочитая находиться в таком же кругу интеллигенции, ее представители объединялись в группы по месту работы, например, в Академии наук Китая или Академии общественных наук Китая, университетах, учреждениях культуры, средствах массовой информации и в различных министерствах и правительственных структурах. После репрессий и преследований, которые она пережила в ходе кампаний 1950–1960-х годов, ее представители горячо приветствовали новый курс государства, новые реформы, веря, что им предназначено сыграть решающую роль в процессе трансформации государства и его демократизации. Они были убеждены, что с началом политики реформ и открытости начнется пора реформ в обществе. С началом политики «четырёх модернизаций» в конце 70-х – начале 80-х годов государство действительно ощутило нужду в образованных людях. Были расширены академические свободы и открыты университеты. Представители интеллигенции в своих обсуждениях затрагивали все более широкий круг тем; начался расцвет литературы «шрамов» и литературы «дум о прошедшем», распространились дебаты о политике, гуманизме, литературе. Интеллигенция, почувствовав свободу, начала мечтать об еще большей демократизации общества.

Тем не менее, в начале 1980-х распространяющиеся дискуссии стали вызывать все большие опасения у государства. В связи с этим критике подвергся Бай Хуа и его сценарий фильма «Безответная любовь». Среди распространявшейся пропаганды такого понимания патриотизма, в рамках которого любовь к родине означала и безоговорочную любовь к партии,

высказывать свою противоположную позицию становилось опасно. Некоторые представители интеллигенции начинали критиковать сложившуюся ситуацию, распространение коррупции, предрассудки и ложь. Однако они указывали именно на конкретные недостатки, не подвергая сомнению стабильность и легитимность коммунистического режима. Кроме того, в начале 80-х годов из деревень начала возвращаться образованная молодежь, сосланная туда во времена «культурной революции», полная надежд и стремления изменить жизнь в стране к лучшему, с желанием демократизировать страну после маоистской эпохи. Однако с течением времени университетские знания, которые были востребованы после завершения «культурной революции», становились все менее значимыми. Те отрасли, которые быстро развивались после начала осуществления новой экономической политики, перестали испытывать нехватку в образованных людях; помимо этого, по большей части внедряемые тогда технологии легко осваивались рядовыми работниками без ученой степени и даже без высшего образования. Стремительное ухудшение финансового положения интеллигенции заставило ее усомниться в том, что она действительно играет одну из ведущих ролей в «восстановлении» страны. Продолжающееся ужесточение контроля партии над деятельностью интеллигенции стимулировало ее стремление осмыслить свое истинное место в жизни нового Китая.

Интеллигенция оказалась на распутье – с одной стороны, она видела позитивные перемены постмаоистской эпохи, с другой – понимала, что реформы идут слишком медленно. Начался поиск новых возможных путей развития страны, новых культурных концепций. Интеллигенция попыталась найти корни проблем страны того периода в прошлом Китая. Началось повсеместное изучение ее представителями традиционной китайской культуры, распространялись попытки интерпретировать ее по-своему. Эта волна критики традиционной культуры и национального китайского характера получила название «культурная горячка». Все более активно предпринимались попытки реформировать традиционные уклады, найти новый вектор развития страны; в кругах представителей интеллигенции возрос интерес к изучению западных идей

и концепций. В процессе модернизации возросла степень автономии интеллигенции, расширились возможности контактов, сотрудничества с зарубежными специалистами. Западные идеи повсеместно обсуждались в стенах университетов, в сформированных «салонах» и на конференциях. Интеллигенция пыталась найти свое место в новом Китае. Расширялись сети интеллектуальных сообществ и объединений. Появились новые печатные издания, в позитивном ключе рассказывающие о жизни за рубежом. Многие китайцы уезжали за границу жить и учиться. Рост интереса представителей интеллигенции к Западу все более беспокоил партийных лидеров; началась кампания «борьбы с духовным загрязнением». Однако в середине 1980-х основная часть интеллигенции все еще так или иначе поддерживала выбранный государством магистральный путь развития, тем не менее, выражая уверенность в необходимости масштабной демократизации общества; интеллигенция все еще надеялась, что сможет привести страну к новому, свободному будущему.

Во второй половине 1980-х годов кризисные явления в экономике сопровождались и ужесточением позиции государства в отношении интеллигенции. Кроме того, произошла чистка руководящего состава. В ходе разворачивающейся кампании борьбы с «буржуазной либерализацией» интерес интеллигенции к проблеме взаимоотношений традиции и развития становился все более глубоким. В ходе разворачивающейся кампании против «буржуазной либерализации» вопросы интеллигенции о том, насколько традиция тормозит развитие, становились все глубже. Отношение интеллигенции к вопросу национальной идентичности начало меняться – теперь интеллигенция стала менее склонна рассматривать традиционную культуру как отсталую, а, наоборот, стала обращаться в прошлое в поисках ответов на вопросы настоящего. Она стала ставить под сомнение саму правильность выбора социалистического пути развития. На фоне обострения социальных проблем и роста уровня инфляции прошла волна протестов. Неуверенность как интеллигенции, так и обычных людей в завтрашнем дне стала причиной столь быстрого распространения диссидентских идей. Развитие экономического кризиса все более убеждало

интеллигенцию в необходимости демократизации страны. Широким рядом видных ее представителей были поданы три петиции с критикой курса властей, в которых особо отмечалась необходимость соблюдения прав человека и гражданских свобод, подчеркивалось, что страна находится в кризисе из-за жесткой плановой экономики и косной политической системы. Во время событий лета 1989 года на площади Тяньаньмэнь интеллигенция оказала широкую поддержку деятельности студентов. Она полагала, что июньские события стимулируют поворот к демократизации страны.

В 1990-е годы в Китае наступил долгий период относительной политической стабильности. Готовность властей продолжать курс реформ даже после военных репрессий помогла партии завоевать доверие интеллигенции. Происходили значительные изменения в общественном сознании. Те представители интеллигенции, кто был наиболее радикален в своих суждениях, бежали на Запад, оставшаяся же часть была вынуждена перейти на более консервативные позиции и переключиться на научные исследования, не затрагивающие идеологически чувствительных вопросов. Желание интеллигенции радикальным образом воздействовать на режим сходило на нет. Усилился идеологический контроль над ее деятельностью. Ранее с восхищением смотревшая на реформы в России, в начале нового десятилетия интеллигенция разочаровалась в низких экономических показателях страны, сравнивая ее с Китаем, где изменения шли полным ходом и экономическая ситуация улучшалась изо дня в день. Извлекая уроки из российского опыта, представители интеллигенции пришли к общему мнению, что на том этапе развития Китая достичь демократии в ближайшей перспективе не представлялось возможным. Вместо этого следует отдавать приоритет стабильности, сосредоточиться на рыночных реформах и проводить политические преобразования осторожно и постепенно. Более того, изменению прозападной ориентации китайской интеллигенции способствовало холодное и предвзятое освещение западными СМИ ситуации в Китае. На фоне этого ЦК КПК начал более активно проводить реформы в области культуры, науки и образования, повышая уверенность

представителей интеллигенции в светлом будущем страны. Начался стремительный подъем патриотизма в ее кругах.

Распространялись идеи неоконсерватизма и национализма, которые служили объединяющим звеном для представителей разных групп общества. Росла гордость за достижения и успехи китайской экономической реформы. Фокус внимания смещался с требований демократизации, которые были распространены в 1980-х годах, на дебаты о политической стабильности, патриотизме, росте экономических показателей и улучшении жизни народа. В 1990-х годах идеи либерализации обсуждались в основном в связи с экономической и социальной сферами, а не в связи с политикой. Расширение свобод в экономическом поле рассматривалось как важнейшее условие для развития. Идеи о реформировании и демократизации общества потеряли свою популярность. Представители интеллигенции теперь полагали, что Китай может достичь еще большего процветания только под чутким руководством Коммунистической партии. Они пришли к пониманию того, что западную демократическую систему на данном этапе невозможно внедрить в Китае. Вместо этого интеллигенция сосредоточила свои усилия на помощи партии в достижении общественного благополучия.

Значительные изменения стали происходить в благосостоянии китайской интеллигенции. Она стала более коммерчески мотивирована, и вместо того, чтобы, как это было в 1980-е, бросать вызов режиму, предпочла избегать «чувствительных» тем и сосредоточиться на получении финансовой выгоды. Некоторые ее представители пытались упрекнуть партию в том, что она не служит интересам общества в достаточной мере, однако такие люди не находили почти никакой поддержки. Расширились возможности применения академических знаний во многих сферах деятельности, возникало множество крупных и средних коллективных и частных предприятий, увеличивалось число иностранных фирм на территории страны. Происходило быстрое повышение благосостояния населения. Китайская интеллигенция быстро переориентировалась на поддержку правительства. Она осознавала, что есть

темы, которые не стоит исследовать, и те границы, которые не стоит пересекать в ходе взаимодействия с партией, и крайне редко пыталась это сделать.

Наблюдая за быстрыми темпами реформ из-за границы, западные эксперты на рубеже веков давали совершенно разные прогнозы о будущем Китая. Некоторые аналитики полагали, что страну ждет полная демократизация, другие – что КПК ждет крах в течение нескольких лет. Многие отмечали опасность столь быстрых темпов экономического развития. Однако на территории Китая общественное мнение было куда более единым – большая часть населения относилась к реформам положительно и с оптимизмом смотрела в будущее.

Для упрочения места Китая на международной арене, усиления влияния КПК и расширения поддержки политики государства внутри страны Цзянь Цзэминь и Ху Цзиньтао постепенно отходили от идей Дэн Сяопина о «скрытии способностей в ожидании своего часа». Концепции «гармоничного общества», «гармоничного мира», «научного развития» были направлены на перестройку подходов к внешним и внутренним реалиям Китая, исправление таких последствий «перегрева» конца XX века, как неравенство, безработица, структурная нищета и обостряющиеся экологические проблемы. Теперь страна «выходила в мир», заявляла о себе как о государстве, с мнением и позицией которого надо считаться. Помимо этого, дискурс «гармоничного мира» успешно занимал умы представителей интеллигенции, перемещая вектор дискуссий в более безопасный и приемлемый для государства сектор.

Правительство, изначально рассматривавшее появившийся в конце 1990-х – начале 2000-х годов Интернет как инструмент пропаганды и как способ преодоления отставания от Запада, постепенно осознавало его потенциально опасное влияние на китайское общество. Для ограничения обсуждения нежелательных тем еще на рубеже веков выпускаются проекты по ограничению контента, фильтрации по определенным словам и фразам. Шаг за шагом выстраивался «Великий китайский фаерволл». На первые годы XXI века приходится расцвет Интернет-блогов. Среди блогеров с большой аудиторией было много представителей интеллигенции – профессоров университетов,

ученых. Многие журналисты получали известность благодаря материалам о громких происшествиях, экологических протестах. Представители интеллигенции все шире использовали новый канал, который позволял доносить свое мнение до общества. Росла популярность микроблогов. Однако партия постепенно усиливала контроль Интернет-пространства. Блоги и страницы представителей интеллигенции, которые транслировали неуютное партии мнение, часто блокировались – например, был закрыт блог известного художника Ай Вэйвэя. От внимания КПК было не скрыться и в личных переписках – так, оказалось, что Yahoo! предоставило китайскому правительству данные переславшего по почте партийный документ журналиста Ши Тао, которого впоследствии приговорили к 10 годам лишения свободы. Интеллигенция становилась все более разнородной.

Понимая, что для продолжения успешных реформ кооперация и сотрудничество с представителями интеллигенции необходимы, правительство Китая предпринимало попытки обратить вспять начавшуюся в последней четверти XX века «утечку мозгов» за рубеж. Первоначально, по-видимому, власти надеялись, что перспективные исследователи вернуться на родину, как только экономические показатели станут еще выше. Однако постепенно стало понятно, что этого недостаточно. Все больше представителей интеллигенции принимали решение остаться за границей, предпочитая толерантную культуру, ритм жизни, профессиональную среду Запада ограничениям академических свобод и пронизывающими все сферы общества *гуаньси*. И в Китае начали разворачиваться проекты, призванные вернуть талантливых людей назад в Поднебесную – были созданы специальные научные парки на базе крупных университетов, увеличено финансирование, привлечены крупные компании, введены стипендиальные программы. Крупные корпорации стали предлагать вернувшимся из-за рубежа представителям интеллигенции зарплату куда большую, чем тем, кто жил на территории страны. Были созданы правительственные планы по привлечению ученых из-за рубежа – не только китайских, но и иностранных – например, план «тысячи талантов» для

привлечения в течение 5–10 лет 2000 экспертов в области научных исследований, инноваций и предпринимательства. Такая стратегия дала свои плоды – «утечка мозгов» за рубеж замедлилась к началу 2010-х годов. Успешность этой стратегии мы можем видеть сейчас, чуть более 10 лет спустя, когда Китай, обладая необходимыми для этого ресурсами, нацелился на первенство в технологическом секторе.

Интеллигенция эпохи глобализации и интеграции Китая в международную систему в период реформ открытости и смотрела на мир иначе, чем та, чьи взгляды формировались в 1950-х и 1960-х годах, когда Китай был фактически изолирован от большей части мира. С того момента, как КПК установила власть над страной в 1949 году, каждое новое поколение молодежи обладало своими собственными отличительными характеристиками, от идеализма поколения 1950-х до индивидуализма 2000-х. Если в эпоху Мао Цзэдуна интеллигенция по большей части находилась в полной зависимости от партии, то в постмаоистские времена отношения между ней и государством стали более сложными. Несмотря на то что ранее китайская интеллигенция была глубоко озабочена происходящим в политической жизни страны, после событий 4 июня 1989 года ее позиция изменилась и стала более прагматичной и рациональной. В процессе осуществления политики реформ и открытости возможности для интеллектуальной деятельности в Китае расширились, появлялась четкая ориентация на коммерческие отношения. Патриотически настроенная и уверенная в завтрашнем дне интеллигенция все больше усилий вкладывала в развитие сильного Китая. Она пришла к выводу, что демократизация в Китае должна идти по пути мирных реформ, экономических преобразований. Согласившись с тем, что стабильность, процветание и благополучие Китая зависят от руководства партии, интеллигенция начала оказывать ей широкую поддержку.

Приложение

График 1. «Расходы на культуру, образование, науку и здравоохранение»

Источник: Го Вэй. 1978 – 1992 нянь Чжунго гунчаньдан чжиши фэньцзы чжэнцэ дэ яньцзю (郭炜. 1978 – 1992 年中国共产党知识分子政策的研究. Исследование политики КПК в отношении интеллигенции в 1978 – 1992 гг.) // Чжунгун чжуньян дансяо, 2014. – с. 173.

График 2. «Общее число китайских студентов, отправляющихся за рубеж и возвращающихся обратно в Китай каждый год, 1985—2007»

Общее число китайских студентов, отправляющихся за рубеж и возвращающихся обратно в Китай
каждый год, 1985—2007

Год	Всего студентов за рубежом	Всего студентов вернулось	Соотношение вернувшихся китайских студентов к общему числу уезжающих студентов в год (%)
1985	40,000	16,500	41.25
1986	40,000	17,000	42.50
1987	64,000	22,000	34.38
1988	70,000	n.a.	n.a.
1989	80,000	33,000	41.25
1990	n.a.	n.a.	n.a.
1991	170,000	50,000	29.41
1992	190,000	60,000	31.58
1993	210,000	70,000	33.33
1994	230,000	75,000	32.61
1995	250,000	81,000	32.40
1996	270,000	90,000	33.33
1997	300,000	96,000	32.00
1998	300,000	100,000	33.33
1999	320,000	110,000	34.38
2000	340,000	140,000	41.18
2001	420,000	140,000	33.33
2002	583,000	153,000	26.24
2003	700,200	172,800	24.68
2004	815,000	198,000	24.29
2005	933,400	232,900	24.95
2006	1,067,000	275,000	25.77
2007	1,211,700	319,700	26.38

Источник: Cao, C. China's brain drain at the high end: why government policies have failed to attract first-rate academics to return //Asian population studies. – 2008. – Т. 4. – №. 3. – С. 338.

Список источников и литературы

Источники

1. Hu Jintao. Build Towards a Harmonious World of Lasting Peace and Common Prosperity. / Hu Jintao. – The United Nations Summit, 2005. – 10 p. – [El. Resource]. – URL: <https://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/china050915eng.pdf> (дата обращения: 28.03.21)
2. Чжунгун Чжунъян гуаньюй гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй жогань чжунда вэньти дэ цзюэдин (中共中央关于构建社会主义和谐社会若干重大问题的决定. Решение Центрального Комитета Коммунистической партии Китая по ряду важнейших вопросов построения социалистического гармоничного общества) 2006. URL: <http://cpc.people.com.cn/BIG5/64162/64168/64569/72347/6347991.html> (дата обращения: 27.02.21)
3. Ху Цзиньтао гуаньюй гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй цзянхуа цюаньвэнь. Цзай шэн бу цзи чжюяо линдао ганьбу тигао гоуцзянь шэхуэй чжуи хэсе шэхуэй нэнли. Чжуаньти яньтао бань шан дэ цзянхуа (胡锦涛关于构建社会主义和谐社会讲话全文。在省部级主要领导干部提高构建社会主义和谐社会能力。专题研讨班上的讲话。 Полный текст речи Ху Цзиньтао о построении социалистического гармоничного общества. Руководящим кадрам на провинциальном и министерском уровнях необходимо развивать возможности построения социалистического гармоничного общества. Выступление на семинаре) 2005. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-06/27/content_9700.htm (дата обращения: 22.02.21)

4. Ху Цзиньтао цзай Ляньхэго чэнли 60 чжоу нянь шоунао хуэйи шан дэ цзянхуа (胡锦涛在联合国成立 60 周年首脑会议上的讲话. Выступление Ху Цзиньтао на саммите в честь 60-летия основания ООН) 2005. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2005-09/16/content_63871.htm (дата обращения: 22.02.21)

Литература

На русском языке:

5. Галенович, Ю. М. Противостояние в партии и обществе // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: энциклопедия в 10 т. Т. 9. Реформы и Модернизация (1976 – 2009) / под ред. С. Л. Тихвинского. – М.: Наука, 2016. – с. 442-447.
6. Духовная культура Китая. энциклопедия: в 5 т. Том 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М.: ИДВ РАН, 2009. – 964 с.
7. История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 9. Реформы и Модернизация (1976-2009) / под ред. С. Л. Тихвинского. – М.: Наука, 2016. – 996 с.
8. Непомнин, О. Е. История Китая, XX век. – М.: ИВ РАН, 2011. – 736 с.
9. Усов, В. Н. История КНР. В 2т. (Т. 2. 1966-2004 гг). – М.: АСТ. Восток-Запад, 2006. – 718 с.

10. Чэнь, Сяомин. Тенденции Новейшей Китайской литературы. – М.: Шанс, 2019. – 583 с.

На английском языке:

11. Agelasto, M., Adamson, B. Higher Education in Post-Mao China. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 1998. – 516 p.

12. Bai, Nanfeng. Young People's Attitudes and Aspirations: Will They Welcome Reform? // Reform in China: Challenges & Choices. – NY: Sharpe, 1987. – p. 161-187.

13. Baum, R. Burying Mao: Chinese politics in the age of Deng Xiaoping. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – 500 p.

14. Cao, C. China's brain drain at the high end: why government policies have failed to attract first-rate academics to return // Asian population studies. – 2008. – Vol. 4. – №. 3. – С. 331-345.

15. Carrico, K. Eliminating Spiritual Pollution: A Genealogy of Closed Political Thought in China's Era of Opening // The China Journal. – 2017. – Vol. 78., №. 1. – p. 100-119.

16. Chan, Kin-Man. Harmonious society // International encyclopedia of civil society. – Berlin: Springer Science & Business Media, 2009. – p. 821-825.

17. Chang, G. The Coming Collapse of China. – New York, Random House, 2001. – 344 p.

- 18.Cheng, E. Standoff at Tiananmen: How Chinese Students Shocked the World with a Magnificent Movement for Democracy and Liberty That Ended in the Tragic Tiananmen Massacre. – NY: Sensys Corp., 2009. – 320 p.
- 19.Cherrington, R. Deng's generation: young intellectuals in 1980's China. – Berlin: Springer, 2016. – 232 p.
- 20.Delury, J. “Harmonious” in China // Policy Review. – 2008. – №. 148. – C. 35.
- 21.Deng, Xiaoping. Speech at opening ceremony of National Science Conference // Beijing Review. – 1978. – Vol. 12. – p. 11.
- 22.Ding, X. L. The decline of communism in China: legitimacy crisis, 1977-1989. – Cambridge University Press, 2006. – 248 p.
- 23.Ding, Y. Chinese democracy after Tiananmen. – UBC Press, 2002. – 173 p.
- 24.Fang, L., Williams, J. Bringing down the Great Wall: writings on science, culture, and democracy in China. – NY: W.W. Norton & Company, 1992. – 390 p.
- 25.Frolic, M. State-led civil society // Civil society in China. – London: Routledge, 1997. – p. 48-123.
- 26.Fu, M. A cultural analysis of China’s scientific brain drain: The case of Chinese immigrant scientists in Canadian academia //Journal of International Migration and Integration. – 2014. – Vol. 15. – №. 2. – p.197-215.

27. Geis, J. P., Holt B. "Harmonious Society" Rise of the New China // *Strategic Studies Quarterly*. – 2009. – Vol. 3. – №. 4. – p. 75-94.
28. Gilley, B. *China's democratic future: How it will happen and where it will lead*. – Columbia University Press, 2004. – 316 p.
29. Goldman, M., Link, P. *China's intellectuals in the Deng era: loss of identity with the state // China's quest for national identity*. – NY: Cornell University Press, 1993. – p.125-153.
30. Goldman, M. *The paradox of China's post-Mao reforms*. – Cambridge: Harvard University Press, 1999. – 470 p.
31. Goldman, M. *Sowing the seeds of democracy in China: Political reform in the Deng Xiaoping era*. – Harvard University Press, 1994. – 444 p.
32. Gu, X., Kelly D. *New Conservatism: Intermediate Ideology of a 'New Elite' // China's Quiet Revolution*, Melbourne: Longman Cheshire. – 1994. – p. 219-233.
33. Gu, E. *Cultural intellectuals and the politics of the cultural public space in Communist China (1979–1989): A case study of three intellectual groups // The Journal of Asian Studies*. – 1999. – Vol. 58., №. 2. – p. 389-431.
34. Guo, X. *State and society in China's democratic transition: Confucianism, Leninism, and economic development*. – London: Routledge, 2003. – 284 p.
35. Heilmann, S., Shih L., Hofem A. *National planning and local technology zones: Experimental governance in China's Torch Programme // The China Quarterly*. – 2013. – C. 896-919.

36. Hong, S. From nationalism to cosmopolitanism // Chinese Law & Government. – 1997. – Vol. 30. – №. 6. – p. 31-42.
37. Jilin, X. The fate of an enlightenment: Twenty years in the Chinese intellectual sphere (1978-98) // Chinese intellectuals between state and market. – London: Routledge, 2005. – p. 183-203.
38. Jingsheng, W. The Fifth Modernization: China's Human Rights Movement 1978-79 // China's Human Rights Movement, 1979. – Vol. 4. – p. 48-70.
39. Wong, J. China's Economy in 2002 and Outlook for 2003 // China's Politics And Economy In 2003: Meeting the Post-Congress Challenges. – 2003. – p. 49-65.
40. Kelliher, D. Keeping democracy safe from the masses: intellectuals and elitism in the Chinese protest movement // Comparative Politics. – 1993. – Vol. 25., №.4. – p. 379-396.
41. Kim, P. Chinese student protests: Explaining the student movements of the 1980s and the lack of protests since 1989 // Berkeley Undergraduate Journal. – 2008. – Vol. 21., №.2. – p. 1-42.
42. Korzec, M. Reading notes: The Chinese wage system // The China Quarterly. – 1981. – №.86. – p. 248-273.
43. Kristof, N. Prelude to Tinananmen: The Reasons Why China Erupts. // Tiananmen: China's Struggle for Democracy: Its Prelude, Development, Aftermath and Impact, 1990. – p. 33-42.

- 44.Lam, W. China's brain drain dilemma: Elite emigration // China Brief. – 2010. – Vol. 10. – №. 16. – p. 2-4.
- 45.Lampton, D. M., Madancy J. A., Williams K. M. A relationship restored: Trends in US-China educational exchanges, 1978-1984. – National Academy Press, 1986. – p. 287.
- 46.Lynch, D. Rising China and Asian democratization: socialization to “global culture” in the political transformations of Thailand, China, and Taiwan. – Stanford University Press, 2006. – 320 p.
- 47.Mathur, N. Educational Reform in Post-Mao China. – New Delhi: APH Publishing, 2007. – 316 p.
- 48.McCormick, B. L., Kelly D. The limits of anti-liberalism // The Journal of Asian Studies. – 1994. – p. 804-831.
- 49.Min, W. Higher education finance in China: Current constraints and strategies for the 1990s // Higher Education. – 1991. – Vol. 21., № 2. – p. 151-161.
- 50.Veg, S. Minjian: The rise of China's grassroots intellectuals. – Columbia University Press, 2019. – 667 p.
- 51.Minxin, Pei. China's trapped transition // China Review International. – 2006. – Vol. 13., № 2. – p. 491-495.
- 52.Misra, K. Deng's China: From Post-Maoism to Post-Marxism // Economic and Political Weekly. – 1998. – Vol. 33., №.42. – p. 2740-2748.

53. Nathan, A. Chinese Democracy. – California: University of California Press, 1990. – 334 p.
54. Ogden, S. From patronage to profits: the changing relationship of Chinese intellectuals with the party-state // Chinese Intellectuals between State and Market. – London: Routledge, 2005. – p. 111-137.
55. Osnos, E. Age of ambition: Chasing fortune, truth, and faith in the new China. – Macmillan, 2014. – 350 p.
56. Pan, S. Y. Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies // Frontiers of Education in China. – 2011. – Vol. 6. – №. 1. – p. 106-138.
57. Pan, W. Toward a consultative rule of law regime in China // Journal of Contemporary China. – 2003. – Vol. 12. – №. 34. – p. 3-43.
58. Perry, E. Chinese society: Change, conflict and resistance. – London: Routledge, 2003. – 344 p.
59. Pfaff, S. Double-edged rituals and the symbolic resources of collective action: Political commemorations and the mobilization of protest in 1989 // Theory and Society. – 2001. – Vol. 30., №. 4. p. 539-589.
60. Robertson, D. “Neo” // The Routledge Dictionary of Politics. – London: Routledge, 2004. – p. 337-338.
61. Rowen, H. S. The short march: China's road to democracy // The National Interest. – 1996. – №. 45. – p. 61-70.

62. Rowen, H. S. When will the Chinese people be free? // *Journal of Democracy*. – 2007. – Vol. 18. – №. 3. – p. 38-52.
63. Saich, D. Reform of China's Science and Technology Organizational System // *Science and Technology in Post-Mao China*. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – p. 69-88.
64. Schwartz, B. Behind a partially-open door: Chinese intellectuals and the post-Mao reform process // *Pacific Affairs*. – 1986. – Vol. 59., №. 4. – p. 577-604.
65. Schwartz, B. China's Cultural Values // *Arizona State University Occasional Paper*. – 1985. – Vol. 42., №. 18. – p. 563-565.
66. Simon, D. F., Cao C. China's emerging technological edge: assessing the role of high-end talent. – Cambridge University Press, 2009. – 435 p.
67. Spinello, R. A. Global capitalism, culture, and ethics. – Routledge, 2014. – 300 p.
68. The Cambridge History of China: Volume 15, The People's Republic, Part 2, Revolutions Within the Chinese Revolution, 1966-1982 / ed. by D. Twitchett, J. Fairbank. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 1024 p.
69. Thornton, P., Wang Hui, The End of the Revolution: China and the Limits of Modernity // *East Asia*. – 2011. – Vol. 28. – №. 1. – p. 21-25.
70. Tsou, T. The Tiananmen tragedy: the state-society relationship, choices, and mechanisms in historical perspective // *Contemporary Chinese Politics in Historical Perspective*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – p. 265-328.

71. Van Dongen, E. *Realistic Revolution: Contesting Chinese History, Culture, and Politics after 1989*. – Cambridge University Press, 2019. – p.276.
72. Welch, A., Zhen Z. Higher education and global talent flows: Brain drain, overseas Chinese intellectuals, and diasporic knowledge networks // *Higher Education Policy*. – 2008. – Vol. 21. – №. 4. – p. 519-537.
73. Welch A., Jie H. Returnees and diaspora as source of innovation in Chinese higher education // *Frontiers of Education in China*. – 2013. – Vol. 8. – №. 2. – p. 214-238.
74. Welch, A., Xu X. Prospect and Limits of China-EU Relations in Higher Education: A Danish Case Study // *Frontiers of Education in China*. – 2019. – Vol. 14. – №. 2. – p. 257-283.
75. White, G. Prospects for civil society in China: A case study of Xiaoshan City // *The Australian Journal of Chinese Affairs*. – 1993. – №. 29. – p. 63-87.
76. Wright, T. State Repression and Student Protest in Contemporary China // *The China Quarterly*. – 1999. – №. 157. – p. 142-172.
77. Xin, G. Plural institutionalism and the emergence of intellectual public spaces in contemporary China: Four relational patterns and four organizational forms // *Journal of Contemporary China*. – 1998. – Vol. 7. – №. 18. – p. 271-301.
78. Yang, G. *The power of the Internet in China: Citizen activism online*. – Columbia University Press, 2009. – 471 p.

- 79.Zhao, S. Chinese Intellectuals' Quest for National Greatness and Nationalistic Writing in the 1990s // *The China Quarterly*. – 1997. – Vol. 152. – p. 725-745.
- 80.Zhao, D. China's Prolonged Stability and Political Future: Same political system, different policies and methods // *Journal of Contemporary China*, 2001. – Vol. 10. – №. 28. – p. 427-444.
- 81.Zhao, D. State-society relations and the discourses and activities of the 1989 Beijing student movement // *American Journal of Sociology*. – 2000. – Vol. 105., № 6. – p. 1592-1632.
- 82.Zhao, D. *The power of Tiananmen: State-society relations and the 1989 Beijing student movement*. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 468 p.
- 83.Zhao, Y. *Media, market, and democracy in China: Between the party line and the bottom line*. – Illinois: University of Illinois Press, 1998. – 276 p.
- 84.Zheng, Y. Development and democracy: are they compatible in China? // *Political Science Quarterly*. – 1994. – Vol. 109., №. 2. – p. 235-259.
- 85.Zheng, Y., Tok S. K. Harmonious society and harmonious world: China's policy discourse under Hu Jintao // *Briefing Series*. – 2007. – Vol. 26. – p. 1-12.
- 86.Zweig, D. To return or not to return? Politics vs. economics in China's brain drain // *Studies in Comparative International Development*. – 1997. – Vol. 32. – №. 1. – p. 92-125.

На китайском языке:

87. Ван Сыжуй. Цзиньжи Чжунго дэ синь баошоу чжуи (王思睿. 今日中国的新保守主义. Неоконсерватизм в Китае сегодня) // Бэйцзин вэньсюэ, 1999. – с. 401-435.
88. Ван Сяодун. Миньцзу чжуи хэ Чжунго дэ вэйлай. (王小东. 民族主义和中国的未来. Китайский национализм и будущее Китая) // Тянья, 2000. – № 2. – с. 39-46.
89. Ван Юэчуань. Дандай вэньхуа яньцзю чжун дэ цзицзинь юй баошоу чживэй. (王岳川. 当代文化研究中的激进与保守之维. Связь между радикализмом и консерватизмом в исследованиях современной культуры) // Вэньи лилунь яньцзю, 1995. – №4. – с. 400-459.
90. Ван Ин, Чжэ Сяое, Сунь Биньяо. Шэтуань фачжань юй цзучжи тиси чжун гоу. 王颖, 折晓叶, 孙炳耀. 社团发展与组织体系重构. Развитие организаций и перестройка организационной системы) // Гуаньли цицзе, 1992. – Т. 2. – С. 186-196.
91. Го Вэй. 1978-1992 нянь Чжунго гунчаньдан чжиши фэньцзы чжэнцэ дэ яньцзю (郭炜. 1978-1992 年中国共产党知识分子政策的研究. Исследование политики КПК в отношении интеллигенции в 1978-1992 гг.) // Чжунгун чжуньян дансяо, 2014. – с. 140-151.
92. Го Динпин. Лунь Чжунго тэсэ дэ туаньти чжэнчжи (郭定平. 论中国特色的团体政治. Об организационной политике с китайской спецификой) // Чжэнчжи Юй Фалу, 1995. – №6. – с. 21-31.

93. Ли Цян. Наоти даогуа юй вого цзинцзи шичан фачжань дэ лянгэ цзедуань (李强. 脑体倒挂与我国市场经济发展的两个阶段. Преобладание оплаты физического труда над умственным и два этапа развития рыночной экономики) // Шэхуэйсюэ яньцзю, 1996. – №6. – с. 10-18.
94. Лю Сяобо. Можи синцуньчжэ дэ дубай (刘晓波. 末日幸存者的独白. Монолог выжившего после Судного дня) // Шибао Чубань Гунсы, 1992. – 320 с.
95. Ма Чаншань. Люэ лунь вого шэхуэй туаньти дэ фалу дивэй цзи даньхуа ци синчжэн хуа цинсян (马长山. 略论我国社会团体的法律地位及淡化其行政化倾向. О правовом статусе китайских общественных организаций и ослаблении тенденций к администрированию) // Чжэнчжи Юй Фалу, 1992. – № 3. – с. 35-41.
96. Сунь Гохуа. Миньчжу цзяньшэ бисюй нажу фачжи гуйдао (孙国华. 民主建设必须纳入法治轨道. Строительство демократии должно происходить в соответствии с законом) // Чжунго фасюэ, 1990. – № 5. – с. 8-15.
97. Сюй Цзюй. Дандай Чжунго цзыю цзэе чжиши фэньцзы цзици чжэнчжи цаньюй яньцзю (徐军. 当代中国自由择业知识分子及其政治参与研究. Исследование современной интеллигенции либеральных профессий и ее участия в политической жизни) // Ухань Дасюэ, 2014. – 226 с.
98. Чжай Минлэй. Чжунго мэнбо: синь мэйти шидай дэ миньцзянь хуаюй лилян (翟明磊. 中国猛博: 新媒体时代的民间话语力量. Смелые китайские блоги: сила народного дискурса во времена новых медиа) // Тяньдитушу Юсянь гунсы, 2009. – 469 с.

99. Чжан Юнцзе, Чэн Юаньцзе. Ди Сы Дай жэнь (张永杰, 程远杰. 第四代人. Четвертое поколение) // Бэйцзин дунфан чубаньшэ, 1988. – 206 с.
100. Чжао Вэньсинь. Си Цзиньпин гуаньюй чжиши фэньцзы гунцзо чжуньяо луньшу дэ «Сань гэ туньи» (赵文心. 习近平关于知识分子工作重要论述的«三个统一». «Три единства» Си Цзиньпина в работе с интеллигенцией) // Хэнянь шэхуэй кэсюэ, 2020. – с. 51-57.
101. Чжоу Хунли. Чжиши фэньцзы цзиншэнь шэнтай юй саньвэнь вэньти любянь [1976-2010] (周红莉. 知识分子精神生态与散文文体流变 [1976-2010]. Изменение системы ценностей интеллигенции и жанров прозаических произведений в период 1976-2010 годов) // Сучжоу Дасюэ, 2015. – 203 с.
102. Чжу Пэйлянь. Дасюэшэн дэ «ницайжэ» (朱培莲. 大学生的«尼采热». «Горячка Ницше» среди студентов) // Циннянь яньцзю чубаньшэ, 1988. – 76 с.
103. Чжэн И. Лиши дэ и бу фэнь – юньюань цзибучу дэ шици фэн синь (郑义. 历史的一部分 – 永远寄不出的十一封信. Часть истории. Одиннадцать никогда не отправленных писем) // Ваньсян Чубань Гунсы, 1993. – 316 с.
104. Шэ Дэху. Югуань вого шэхуэй туаньти вэньти дэ сыкао (余德虎. 有关我国社会团体问题的思考. Размышления о проблеме общественных организаций в Китае) // Цюши, 1991. – №. 17. – с. 15-19.

Интернет-ресурсы:

105. Китай – ВВП на душу населения / Кноема. URL: <https://кноема.ru/atlas/Китай/ВВП-на-душу-населения> (дата обращения: 27.02.21)
106. Academic fraud in China. Replicating success. / The Economist. 2010. URL: https://www.economist.com/blogs/asiaview/2010/07/academic_fraud_china (дата обращения: 02.03.21)
107. Chang, G. The Coming Collapse of China: 2012 Edition. / G. Chang. – Foreign Policy, 2011. [El. resource]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2011/12/29/the-coming-collapse-of-china-2012-edition/> (дата обращения: 02.04.21)
108. China steps up efforts to reverse 'Brain Drain' / The Economic Times. 2010. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/china-steps-up-efforts-to-reverse-brain-drain/articleshow/6619223.cms?from=mdr> (дата обращения: 02.04.21)
109. Dispatches: Shi Tao and the Dangers of China's State Secrets Law / Human Rights Watch. 2013. URL: <https://www.hrw.org/news/2013/09/11/dispatches-shi-tao-and-dangers-chinas-state-secrets-law> (дата обращения: 16.04.21)
110. Drezner, D. Networks VS. Governments. / D. Drezner. – Foreign Policy, 2002. [El. resource]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2002/09/12/networks-vs-governments-china-has/> (дата обращения: 09.03.21)

111. Kagan, R. China's No.1 Enemy. / R. Kagan. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/05/11/china-s-no.1-enemy-pub-270> (дата обращения: 17.02.21)
112. Kagan, R. How Not to Deal With China: A History of Sino-American Relations Since 1972. / R. Kagan. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/02/15/how-not-to-deal-with-china-history-of-sino-american-relations-since-1972-pub-257> (дата обращения: 17.02.21)
113. Kagan, R. Peace Through Strength. / R. Kagan. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/08/16/peace-through-strength-pub-241> (дата обращения: 17.02.21)
114. Keidel, A. China's Growing Pains Shouldn't Hurt Us. / A. Keidel. – Carnegie Endowment for International Peace, 2005. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/2005/07/24/china-s-growing-pains-shouldn-t-hurt-us-pub-17259> (дата обращения: 05.03.21)
115. Liu Xiaobo's letter to Yahoo! / Human Rights Watch. 2005. URL: <https://www.hrw.org/reports/2006/china0806/14.htm> (дата обращения: 16.04.21)
116. Minxin Pei. Will China Become Another Indonesia? / Minxin Pei. – Carnegie Endowment for International Peace, 1999. [El. resource]. – URL: <https://carnegieendowment.org/1999/07/01/will-china-become-another-indonesia-pub-62> (дата обращения: 19.02.21)

117. Outrage over travesty of justice for journalist Shi Tao / Reporters without Borders. 2005. URL: <https://rsf.org/en/news/outrage-over-travesty-justice-journalist-shi-tao> (дата обращения: 16.04.21)
118. Outward bound / The Economist. 2002. URL: <https://www.economist.com/special-report/2002/09/26/outward-bound> (дата обращения: 02.03.21)
119. Search Results Detail for “Shi Tao” / The Congressional-Executive Commission on China. URL: <https://web.archive.org/web/20121017004708/http://ppd.cecc.gov/QueryResultsDetail.aspx?PrisonerNum=5488> (дата обращения: 16.04.21)
120. Special Issue: A CND Interview with TONG Yi / China News Digest. 1997. URL: <http://www.cnd.org/CND-Global/CND-Global.97.3rd/CND-Global.97-08-09.html> (дата обращения: 17.02.21)
121. The Chinese ‘nail house’: a Chongqing saga / Open Democracy. 2007. URL: https://www.opendemocracy.net/en/china_nail_4500jsp/ (дата обращения: 16.04.21).
122. The United States and the Rise of China and India: Results of a 2006 Multination Survey of Public Opinion / Chicago Council on Global Affairs, 2006. – 85 p. [El. resource]. – URL: <https://www.thechicagocouncil.org/sites/default/files/2020-11/2006-Chicago-Council-Survey-PDF-Report.pdf> (дата обращения: 15.04.21)

123. Yahoo's responsibility towards human rights: free Shi Tao from prison in China! / Amnesty International. 2006. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/ASA17/003/2006/en/> (дата обращения: 17.04.21)
124. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Цзяоюй бу. 2010 нянь во го чуго люсюэ жэньшу хэ люсюэ хуэйго жэньшу шуан цзэнчжан (中华人民共和国教育部. 2010 年我国出国留学人数和留学回国人数双增长. Министерство Образования КНР. В 2010 году увеличилось число обучающихся за границей студентов и число вернувшихся из-за границы студентов) 2011. URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_1485/201103/115528.html (дата обращения: 01.03.21)
125. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго Цзяоюй бу. Люсюэ гунцзо (中华人民共和国教育部. 留学工作. Министерство Образования КНР. Работа учащихся за рубежом) 2008. URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_390/200411/4560.html (дата обращения: 09.03.21)